

Межрегиональная олимпиада школьников

«Будущие исследователи — будущее науки»

**«Тенденции к секуляризации в «Послании
изуграфа Иосифа»»**

Секция: история

Научный руководитель: Донская Ольга Александровна
(кандидат педагогических наук, учитель истории)

 (подпись) (расшифровка подписи)

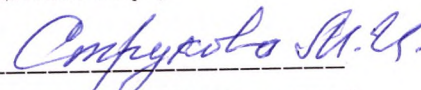
Количество баллов,
полученных на защите

94

(заполняется председателем жюри)

Председатель жюри

 (подпись)

 (расшифровка подписи)

Работу выполнила
учащаяся 11 класса

ФГБОУ ВО Лицей МПГУ

(полное наименование учебного заведения)

Г.Москва

(название населенного пункта)

Канторова Лукиана Дмитриевна

(Ф.И.О. учащегося ПОЛНОСТЬЮ)

Саров
2025 год

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	2
1. КУЛЬТУРА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ XVII В. В ИСТОРИОГРАФИИ.....	7
1.2. Особенности средневекового сознания в исследованиях культур	12
1.3. Культурный конфликт середины XVII в.	17
2. ПОСЛАНИЕ ИЗУГРАФА ИОСИФА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.....	21
2.1. Изуграф при дворе Алексея Михайловича.....	21
2.2. Изобразительное искусство середины XVII в.: политико-идеологические направления	23
2.3. Биография Иосифа Владимирова	29
2.4. Особенности «Послания изуграфу Иосифу».....	34
3. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКА: ВЫЯВЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ К СЕКУЛЯРИЗАЦИИ	37
3.1. Категориальный анализ источника: выявление значений понятий «святые», «Бог», «сатана», «бес», «свидетельство», «вера».....	37
3.2. Темы, обсуждаемые в полемике, и позиция автора.....	49
3.3. Ценности потенциальных читателей на основе анализа образа антигероя.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
ИСТОЧНИКИ	60
ЛИТЕРАТУРА	61
ПРИЛОЖЕНИЯ	66

ВВЕДЕНИЕ

Изменения сознания под влиянием перестройки средневековой системы ценностей в XVII в. происходили неравномерно, однако образованную часть русского общества этот процесс ощутимо затронул. Цель исследования – определить, присутствуют ли тенденции к изменениям сознания в сочинении отдельного представителя образованного общества середины XVII в.

«Послание Симону Ушакову» изучается с 1960-х гг., когда Е.С. Овчинникова выявила концептуальные различия его списков [48]. А.А. Салтыков датировал текст исходя из содержания и исследовал эстетические принципы автора, отметил их новизну в сравнении с каноническими средневековыми текстами [57], Л.Б. Сукина сравнила позицию Иосифа Владимирова с трактатами его современников [65], И.Е. Данилова и Ю.Н. Дмитриев рассмотрели «Послание» в контексте обмирщения сознания и внутрицерковной борьбы, впервые предположили, что изуграф вкладывал в старые понятия новое значение [26]. В опубликованных работах не ставится задач выявить ценности автора, провести категориальный анализ, изучить публицистическую специфику сочинения. Во взглядах историков на Иосифа Владимирова существуют противоречия: иконописец представляется и как противник «ремесленной» работы «по «образцам»» [48, 13], и как сторонник «механического повторения» [57]; и как тот, в чьих иконах «не остается места для символики» [57], и в то же время как один из противников «упрощения символической стороны иконописи» [65, 264]. Отдельных исследований, посвященных мировосприятию автора, нам найти не удалось.

Иосифа Владимирова, иконописца середины XVII в., называют представителем «нового в искусстве» и «прогрессивной художественной идеологии» [26, 53], воплощение «фактического отрыва художественной практики от средневековых форм мышления, обусловленных аскетической

мо-ралью», «усилились западные влияния» [57, 287], признающий «общение с божеством ... только через видимые формы природы», «внешние, несколько идеализированные» [57, 282]. Исследователь считает, что «плохим письмом он считал, видимо, едва ли не всю прежнюю иконопись и старался опровергнуть самые основы традиционного искусства» [57, 277]. При этом его отмечает, что иконописец «засвидетельствовал принадлежность к древнерусской культуре» [57, 277].

В иконописце видят человека переходной эпохи, который привнес новое в традиционную культуру, оторвался от нее в ряде вопросов. А тема степени секуляризации, рационализации и модернизации его сознания остается дискуссионной.

И. Кириченко высказал мнение, что мы до сих пор в национальной и в церковной культуре часто апеллируем к Средневековью в символике, одежде, традициях. Мы изучим, как относился к традициям, религии и искусству изуграф Иосиф в период, когда средневековье было для него недавним прошлым [33].

Объектом исследования является секуляризация сознания человека XVII в., а предметом – отражение изменений сознания в «Послании некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу». Мы предполагаем, что в тексте царского изуграфа Иосифа Владимировича наблюдаются тенденции к секуляризации.

Цель – определить, присутствуют ли тенденции к изменениям сознания в сочинении отдельного представителя образованного общества середины XVII в.

Мы поставили следующие задачи, совпадающие с этапами работы:

- 1) изучить методы исследований сознания;

- 2) выявить культурный контекст создания источника, определить черты средневекового сознания;
- 3) изучить биографию автора источника, выявить обстоятельства, обусловившие его мировоззрение;
- 4) оценить достоверность и репрезентативность источника;
- 5) провести категориальный анализ ключевых для автора понятий;
- 6) выделить темы, обсуждаемые в полемике и выявить позицию автора по ним;
- 7) выявить характеристики образа антигероя в «Послании»;
- 8) составить образ потенциального читателя по аргументам, использованным в источнике;
- 9) сопоставить ценности, присущие автору текста с ценностями средневекового сознания.

При изучении источника, перенося методологию И.Н. Данилевского [25] на жанр «Послания», мы обратим внимание на пятиугольник значимых частей в тексте, требующих осмысления: 1) причины, побуждающие создавать «Послание»; 2) структуру жанра; 3) отбор материала, подлежащего изложению; 4) форму его подачи автором; 5) подбор источников, на которые опирался изуграф.

Изучая текст XVII в., мы ожидаем, что ряд понятий будет иметь значение, отличное от нынешнего. В исследовании мы дадим выбранным для изучения словам объяснение с помощью культурных скриптов [22]: постараемся выявить их взаимосвязь между собой и влияние на культуру и мировоззрение автора. Наш источник не может дать точных сведений о частотности употребления слов в языке, поэтому мы выбрали для анализа понятия, которые встречаются чаще. Предполагаем, они играют значимую

роль в сознании автора и позволяют определить распространенные в его окружении культурные скрипты.

На первом этапе исследования мы воспользуемся методом категориального анализа в том виде, как его описывает А.Я. Гуревич [24]: проанализируем семантические и смысловые поля часто употребляемых понятий и выявим те особенности, которые характеризуют мировосприятие автора.

Наш источник специфичен ввиду своего стиля – это публицистический трактат-опровержение. Поэтому «Послание» репрезентативно не только для изучения мировосприятия самого автора, но и для выявления ценностей и норм его потенциальных читателей. Анализ будет неполным без изучения предмета текста источника, ведь текст «Послания» посвящен мировоззренческим вопросам. Мы провели контент-анализ источника на третьем этапе работы.

1. КУЛЬТУРА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ XVII В. В ИСТОРИОГРАФИИ

Изучая внутренний мир человека XVII в. необходимо охарактеризовать культурное пространство, которое его окружало, выделить в этом пространстве противоречивые течения. Принадлежность автора источника к тому или иному течению позволит оценить его мировоззренческую позицию, лучше понять источник и в конце концов сделать выводы о степени секуляризации сознания автора.

1.1. Историография и исторические методы исследований сознания

Начнем с определения терминов. В работе под «сознанием» мы будем подразумевать отражение человеком окружающей действительности [49], выработанные им «обобщенные знания о связях, отношениях, закономерностях объективного мира» [63]. Такое определение вносит в сферу наших интересов всякие проявления взглядов, убеждений, верований, представлений автора о мире.

При изучении сознания важно помнить, о чем пишет В. Молчанов, что именно «сознание наделяет предмет значением», смыслом, «призывает предмет в сферу сознания» [45, 10–13]. Поэтому в тексте нашего источника — «Послания изуграфа Иосифа» — мы ожидаем найти предметы и идеи, которые в нашей культуре утратили или изменили свое значение.

Изучая сознание XVII в., мы выявляем тенденции к секуляризации. В университетском учебнике «Социология религии» В.И. Гараджа определяет «секуляризацию» как «процесс освобождения различных сфер общественной жизни от контроля духовенства как социальной группы и церкви как института или моральной силы» [20, 280]. На уровне социума можно выделить различные степени секуляризации: от верховенства светской власти царя над духовной

патриарха до освобождения от контроля духовенства политической, затем иных сфер жизни и даже до деконструкции религиозных ценностей. Поэтому, изучая отражение изменений в сознании отдельной личности, мы ожидаем определить степень его обмирщения.

Исследования сознания находятся на стыке психологии, лингвистики и истории. В исторической науке сознание стало предметом изучения относительно недавно. В XIX в. изучению подвергались культурные проявления и типичные обычаи и традиции.

Н.И. Костомаров сделал ряд важных наблюдений о нормах и устоях общества, двоеверии и традициях [37]. Советскими исследователями разрабатывались проблемы становления художественных взглядов Нового времени, вопросы развития литературного процесса в первой четверти XVIII в. и влияния книгопечатания и библиотечного дела на становление национальной культуры, воздействие петровских преобразований на культуру, быт и нравы русского общества. Советские исследователи рассматривали кон. XVII – перв. пол. XVIII вв. как период, когда произошел переход от культуры средневекового типа, характерными чертами которой были религиозность и замкнутость, к новому типу культуры [16].

Вопрос о сложности изучения сознания был поставлен особенно остро в 1970-е гг., когда была издана книга А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры». Проблемой исследования автор называет «самосознание человеческой личности эпохи феодализма, проявляющееся в восприятии времени и пространства, в отношении к праву, в трактовке труда, собственности, богатства и бедности» [24, 5]. Объектом изучения в социокультурных исследованиях становится ментальность, под которой А.Я. Гуревич понимает «не сформулированные явно, не вполне осознанные в

культуре умственные установки, общие ориентации и привычки сознания, социальной психологии, доминирующих умственных установок, интеллектуального багажа, того образа мира, который возникал в сознании» [24, 5;9]. Изучать их исследователь предлагает через анализ категорий культуры – понятий, «компонентов картины мира автора источника» [24, 5]. Так появляется метод категориального анализа.

На русскую культуру опыт А.Я. Гуревича переложил А.Л. Юрганов. В статье «Опыт исторической феноменологии» автор предполагает, что историк, «задавая вопросы» источнику исходя из своих представлений, заранее обуславливает ответы, так как способен воспринять только то, что хоть отчасти, но перекликается с его собственной жизнью. По мнению А.Л. Юрганова, историк «находит (ключевые слова, понятия) в готовом виде в собственной голове – и накладывает извне, на чужую культуру» [72, 36–52]. Он задается вопросом, «не следует ли искать (эти понятия) внутри умственного состава изучаемой культуры? Не может ли оказаться, что эта культура *per se*... создала мир, выстраивала себя вокруг иных «категорий»... И что «картина мира» была своеобразной прежде всего из-за незнакомого нам культурного языка, иных логических начал мышления, способов духовного самоформирования?» [72, 36–52]. Вновь, уже для русской культуры, поднимается вопрос методологии изучения текстов, порожденных иной культурой, носителями иного понятийного аппарата и иного сознания.

Историки решают проблему детерминированности результатов исследования по-разному. Предложенный А.Л. Юргановым феноменологический подход предлагает сделать объектом изучения сам «исторический источник как реализованный продукт человеческой психики» [72, 5]. Подход предполагает, что историк не может на основе текста источника

вынести обоснованные суждения о ментальности автора и его мировоззрении вообще, только о самом источнике и взглядах автора в момент написания. Для исследователя «категории» — это не просто компоненты картины мира, как у А.Я. Гуревича, а «самоосновы самосознания и смыслополагания человека и общества» [24, 36]. Терминология А.Л. Юрганова ограничивает круг понятий, которые могут называться категориями, до тех, которые несут определяющее значение в культуре. Однако для этого необходимо сначала выявить наиболее значимые понятия, что требует отдельного исследования. Мы будем использовать понятие «категории» в том значении, которое имел ввиду А.Я. Гуревич.

У А.Я. Гуревича категориальный анализ подразумевает «выявление лексико-семантических полей того или иного понятия» – изучение синонимов и «родственных» текстов. Так ученый дает многоуровневый комментарий «истоков семантического наполнения той или иной лексемы» [24, 33]. Подобным методом пользуются современные лингвисты и исследователи межкультурных коммуникаций. Мы изучили подход, остановившись пристально на теории естественного семантического метаязыка (ЕСМ).

Теория ЕСМ разработана А. Вежбицкой в 1960-е гг. Этот подход основан на идее Г.В. Лейбница, что «среди слов некоторые используются часто и служат в качестве строительного материала для других», являясь «алфавитом человеческих мыслей» [22, 27]. Теоретик концепции ЕСМ К. Годдард считает: «любой язык адекватен в роли собственного метаязыка», «значение, которое выражается с помощью какого-то языка, может быть адекватно описано ресурсами того же языка» [22, 33]. Ученые этого направления занимаются созданием словаря семантических примитивов, «универсальных концептов», в котором слова несли бы четко определенную и единственно возможную

коннотацию, единую для всех культур. Положения теории ЕСМ похожи на методы А.Я. Гуревича и А.Л. Юрганова. Вслед за ними в нашем исследовании мы сфокусируемся на выявлении контекстуальных значений выбранных нами понятий в тексте источника.

Историк-искусствовед Л.Б. Сукина обратила внимание, что некоторые «ключевые представления средневекового человека», «не имеют особой лексической фиксации, так как проявились не столько в письменности, сколько в изобразительном искусстве». Исследователь посвятила работу «выявлению и систематизации сюжетов и образов русской позднесредневековой культуры» [64, 67-68]. Она воспользовалась «более типологизирующим методом» [64, 67], чем упомянутые нами историки, не отказываясь от понятия категорий культуры.

В исследовании под редакцией И.Н. Данилевского «Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков» Л.Б. Сукина выявляла ценности и нормы средневекового сознания по миниатюрам, синодикам, нормативным документам, иконам и монументальным росписям, истории создания памятников архитектуры [65]. Так, Л.Б. Сукина ввела в научный оборот исследователей сознания русского средневековья изобразительное искусство.

Мы наблюдаем, что в начале XXI в. вновь вспыхнул интерес к пристальному изучению сознания человека XVII в., до этого исследованию подвергались общие тенденции культуры. Историки разработали феноменологический подход к исследованию и категориальный метод анализа, позволяющий приблизиться к решению одной из важнейших проблем исследователя – сглаживанию разночтений в словаре историка и изучаемого им автора, – а затем посредством изучения ключевых понятий приблизиться к пониманию сознания автора источника и его современников.

1.2. Особенности средневекового сознания в исследованиях культуры

Ранее мы упомянули лингвистический метод А. Вежбицкой. Её последователь А. Гладкова [22] выделила 3 группы ключевых слов русского языка. В первую выходят слова, которые называют реальные или воображаемы части человека: в современном русском, по мнению исследовательницы, к ним относятся понятия душа, сердце, разум, ум, а также связанные с ними глаголы делать, думать, чувствовать. Ко второй группе относятся социальные категории или распространенные типы социальных отношений» – свои, чужие, родня, семья, близкие, друзья. К третьей группе – концепты эмоций, жизненных установок и поведения. По мнению А. Гладковой они «отражают ценимые и поощряемые модели мышления, чувства и поведения» [22]. Из понятий современного русского языка к этой группе относят слова «судьба», «правда», «смирение», «искренность» и другие. «Объясняют» понятия ученые с помощью толкований (то есть передают значение понятия) или культурных скриптов (которые сообщают о культурных нормах, с которыми понятие связано).

Перейдем к отражению в исследованиях сознания средневекового. Нам удалось выявить шесть его основных черт на основе исследований по истории, философии и социологии религии.

Во-первых, чертами средневекового религиозного сознания можно считать определенные способы распространения веры. Социолог религии В.И. Гараджа как один из значимых аспектов средневековой религии отмечает преимущество символов над пониманием: они «воспринимаются гораздо легче и проще интеллектуальных дефиниций, «схватываются налету» на основе не требующих и не поддающихся сколько-нибудь строгому определению эмоций, переживаний, верований» [20, 104]. Отсюда следует, что средневековые

способы распространения религии (в том числе иконопись) несут заряд эмоций, апеллируют к духовному опыту воспринимающего и при этом говорят на языке символов. Также и Г. Зиммель, исследуя чувство молящегося, пишет о чувстве «встроенности в некий высший порядок», достигаемом через диалектичное сочетание «непосредственности чувств» и «абстракции» [28, 620-621]. Для средневековой культуры сочетание символичности, абстрактности и эмоциональности органично. Здесь важно вслед за Е.И. Кириченко отметить, что и современная культура Церкви [33, 579] во многом использует средневековую художественную традицию.

Сочетание языка символов и эмоциональность решается различно. Л.Г. Березова называет важный аспект живописной культуры Руси: икона представляет собой предмет не «рассмотрения», а «созерцания» или «предстояния» [16]. То есть главная цель иконописи, получается, – способствовать формированию у человека образа Бога или святого, поддержать в молящемся веру в реальность его собеседника. Значит, эстетическая ценность иконы в средневековой культуре играет второстепенную роль. Если икона признана Церковью, ее воспринимают почтительно невзирая на художественные достоинства.

В.И. Гараджа считает, что в древних обществах «ритуалы значат больше, чем слова и мысли, благодаря ритуалам религия становится в древних обществах частью социального порядка, укореняясь и в общей системе ценностей, в том числе и в этических ценностях сообщества, которые с ее помощью становятся общей для всех системой образцов поведения» [20, 104]. Продолжая начатое перечисление, добавим, что, во-вторых, – для средневекового сознания значимы обряды, традиции служения богу. Причем они плохо ранжируются на важные и второстепенные, традиции не

разграничиваются с догматами, в рутинном соблюдении обрядов средневековое сознание склонно видеть самоцель.

Роль обрядовости в официальной культуре показывает исследование, проведенное А.Л. Юргановым [71]. Историк отмечает, что начиная вплоть до трактата «Розыск» Дмитрия Ростовского 1713 г. понятие «вера» в русском языке обозначало «истину, данную в Божьих заповедях, апостольских и священных правилах, которая обнаруживается в «верном» отношении к обряду». Историк приходит к выводу, что «вера» «больше тяготела к обозначению внешней, формальной стороны отправления религиозных обрядов». Непосредственно заповеди Христа понимались под «Правдой Истинной», а их исполнение – под «правдой». Священных правил было много, и они регламентировали всю жизнь, в народном сознании к ним относились и Стоглав, и решения некоторых церковных соборов. Так, смешение обрядов и догматов наблюдается даже в языке. Даже преподаватель ПСТГУ В.И. Петрушко отмечает: «обряд становился средством самоидентификации, с которым большинство верующих ассоциировали свое православное вероисповедание» [52, 203]. Отсюда видно, что для средневекового сознания обряд играет первостепенную роль, некоего критерия порядочности.

В-третьих, значимой чертой средневекового сознания назовем ведомость в духовной жизни, культуру послушания и переложения ответственности в этических и нравственных вопросах на Церковь или вышестоящее лицо. А также — стремление соответствовать в поведении и построении собственной жизни образцам, данным в священных текстах, сведение канонических текстов к примерам должного поведения. Так, Н.И. Костомаров в «Очерке домашней жизни и нравов великорусского народа» пишет о распространении практики брать благословения у духовенства даже

по малозначимым поводам и о том, что подобное считалось признаком благочестия [37]. Из современных историков это явление пристально изучал Д.И. Антонов. В книге «Смута в культуре средневековой Руси» историк пишет: «то, что могло считаться ранее долгом каждого христианина, было в определенной мере перенесено на власть, обладающую мессианским статусом: именно она должна была заботиться о благоверии подданных, смиряя и ограждая их от греховного своеволия и ересей» [15, 207]. Средневековое сознание исповедует то, что одобрено властью – духовной или светской, связывает свое спасение с политикой вышестоящих лиц, не стремится к самостоятельному познанию мироустройства. Несекуляризованному сознанию свойственно отношение к духовной и светской власти как к посреднику между человеком и Богом и помощнику в деле спасения души, а предписанные этой властью правила – необходимыми условиями спасения, критериями порядочности человека.

В-четвертых – господство идеи коллективного спасения. А.Л. Юрганов прослеживает [71] эту идею в тексте Стоглава. Для иллюстрации приведем строки «Домостроя», идущие после поучения – «аще бо сего моего писания не внемлите и наказания не послушаете ..., само себе ответ дадите в день Страшного Суда, и аз вашим винам и греху не причастен» [27]. Видим, что глава семьи вынужден отречься от ответственности даже за те грехи детей, что совершены вопреки его запретам. Это показывает, что идея коллективной ответственности работала даже на уровне семьи, не только государства и Церкви.

В-пятых – средневековое сознание ставит духовное спасение выше мирского благополучия, уклад жизни подчинен церковным традициям.

В-шестых, средневековому сознанию характерно неприятие иноверцев.

Наконец, одновременно с вышеперечисленным – средневековому сознанию свойственна легкость, с которой происходят нарушения столь ценных для него правил и традиций. Некое противоречие между высоким нравственным стандартом и реальной практикой. Например, Л.Б. Сукина уделяет внимание исследованию законодательного регулирования норм благочестия и отмечает бездейственность попыток власти ограничить выступления скоморохов, катание на качелях, кулачные бои, пьянство и празднование языческих праздников [65]. Отступление и от распоряжений власти, и от христианских заповедей оправдывалось сложностью их соблюдения, слабостью человека и всепрощением Бога. Из этого следует, что отношения верующих и духовной власти были противоречивы, отступление верующими от предписаний Церкви становилось одновременно и выходом из позиции «ведОмого», и осуждаемое отступление от нормы.

Таким образом, на основе исследований мы сформулировали некоторые черты русского средневекового сознания. Ему свойственно сочетание эмоционального восприятия и абстрактного понятия посредством символов, осуждение сомнения. С одной стороны, средневековое сознание сакрализует обрядовую сторону религии, не отличает традиций от догматов веры, передает решение этических и нравственных вопросов вышестоящим лицам, ценит послушание, мыслит категорией коллективного спасения, которое ставит выше мирского благополучия, стремится не отступать от данных в канонических текстах норм поведения, испытывает неприятие к носителям иной культуры. Иконопись воспринимается как сакральный объект предстояния, ее художественная ценность не обсуждается. С другой стороны – средневековое сознание несет пережитки язычества, оправдывает нарушение некоторых предписаний власти.

1.3. Культурный конфликт середины XVII в.

Перейдем к характеристике того культурного пространства, в котором создан наш источник – 1650-е годы в России. К середине века происходит ряд политических изменений в России, а также обостряются старые противоречия. Культура оказывается разделена на направления с различной системой ценностей, учащается решение конфликтов насилием.

Противоречия возникли между Церковью, властью и обществом. Во-первых, они коснулись вопросов повседневного благочестия. С усилением государства и распространением риторики о мессианстве христианской России активизировалось вмешательство Церкви в уклад жизни мирян. Так, после собора 1551 г. ответственность за благочестие верующих перед царем несли епископы, протопопы, старшие священники. Они же должны были следить за состоянием книг и распространять учение. В 1649 г. Соборное уложение вводит первые санкции (смертную казнь за отступничество от православия, богохульство, бесчинство на Литургии) и разделяет сферы контроля над подданными между Церковью и государством, устанавливает стандарт благочестивого поведения: в посещении храма, участии в таинствах, распределении рабочего времени и отдыха, участии в общине. В 1650 г. в Кормчей книге, регулирующей отношения Церкви и паствы, устанавливается принцип главенства церковного права над светским в области вероисповедания. Так, Церкви передается контроль над нравственностью подданных, право вмешиваться в их повседневный уклад жизни. Противоречия наблюдаются в двух местах. Л.Б. Сукина отмечает точечность церковных запретов, их зависимость от прецедентов, трудность контроля, а иногда и компромиссность правительственных мер [65] – это все подрывало

авторитет церковных правил, смыслообразующий для средневекового сознания. В то же время в отношениях со светской властью строгие церковные правила также не встречали полной поддержки – главным образом по вопросу о праздниках и увеселениях. Таким образом, в вопросах повседневного уклада стремление Церкви внедрить строгие нормы благочестия встречали противодействие как паствы, так и светской власти.

Во-вторых, противоречия вызывал вопрос церковного землевладения. В 1642 г. на земском соборе дети боярские и посадские люди предлагают собирать налог с архиерейских вотчин и монастырей. Царь в 1645 г. делает шаг к ограничению церковных привилегий – лишает патриарха прав на беспошлинную торговлю.

В-третьих, конфликт возник между царем и патриархом – вокруг вопроса о соотношении власти духовной и светской.

В-четвертых, конфликтным стал вопрос о взаимодействии с иностранными культурами. На уровне посадских людей зарождается практика носить европейскую одежду. А гости и торговые люди гостинной сотни начинают обставлять дома в европейском стиле, покупать западноевропейские предметы роскоши. Они контактируют либо с голландцами, шотландцами и др. жителями Немецкой слободы, либо с иноземцами из рейтарских и драгунских полков, многие из которых – участники Тридцатилетней войны, либо через Архангельск торгуют с купцами-иностранцами. То есть европейская культура распространяется вместе с увеличением числа европейцев на русской службе, становится престижной в среде посадских людей и купечества.

А купечество – как считает В.Н. Перхавко [51, 186] – царь пытался использовать в качестве агентов власти: поручал гостинной сотне взимание

определенных налогов, консультировался с представителями торговых людей по вопросам экономики. Думается, знакомое с западными традициями и нормами купечество играло значимую роль в культурной жизни города. Таким образом, влияние западной культуры было значительно, в русской элите европейское становится престижно.

Второй раз после Смуты подвергаются испытанию средневековая ценность послушания и неприятие иноверцев [15]. Ценность веры абстрактной и запрет на сомнения сталкиваются с необходимостью сравнивать свою веру с иностранной – и повышается спрос на книги [52, 175]. Например, издается «Сборник о чести святых икон и о поклонении», ориентированный на полемику с протестантами и «Кириллова книга» – для дискуссий с католиками. Так, вопрос о сохранении собственной культуры при столкновении и иностранной стоит остро и признается властью.

В-пятых, острая нехватка образованных кадров, необходимость унификации богослужебных книг – все это ставило перед властью вопрос, о котором пишет В.И. Петрушко [52, 197] – основание высшего учебного заведения, «принятие киевской школы» и киево-могилянских профессоров повлекло бы за собой «проникновение латинского влияния». А это не сочеталось с идеей мессианства православной страны и мыслями о возможном объединении христиан под властью московских царя и патриарха [52, 201]. Этим обусловлены кампании против икон «фряжского» письма и «латинской ереси» в книгах и частые визиты антиохийского, иерусалимского и константинопольского патриархов в Москву.

Решение избежать заимствований из Европы не решало проблему книжной sprawy – и церковные соборы обсуждали: брать древнерусские или греческие образцы.

Непосредственно 1656–1658 гг., когда предположительно создан наш источник, идет разгар церковных реформ патриарха Никона. При этом в 1654 г. случается 2 показательных события – с одной стороны – ссылка Павла Коломенского как противника курса на древнегреческие образцы, с другой – показательная акция патриарха Никона против икон «фряжского» письма. За год до этого сослан начавший публично осуждать реформы протопоп Аввакум. То есть величие Никона приближается к апогею, неудобные лидеру терпят гонения, четко обозначается курс на греческие образцы книжной sprawy. Реформа призвана установить новый единый канон, который должен будет занять господствующее положение в культурной жизни страны. С 1654 гг. Собираются церковные соборы с участием вселенских патриархов – власть стремится урегулировать вопрос реформ, опираясь на христианских церковных иерархов и противопоставляя себя католикам и протестантам.

При этом, считает В.И. Петрушко, Никон «слабо понимал суть православного богослужения, будучи подвержен обрядоверию», равно как и его противники [52, 257; 52, 228].

Итак, искусство 1650-х годов должно испытывать влияние противоречий между стремлением Церкви регламентировать жизнь мирян и распространить нормы благочестия – и падением авторитета ее нововведений, между стремлением унифицировать богослужебные тексты – и отсутствием единых истинных отечественных образцов, между желанием иметь образованных людей – и неизбежной необходимостью учиться у иноверцев, между амбициями христианской империи – и обрядоверием, церковным осуждением иноверцев – и признанием в элите западноевропейской культуры.

2. ПОСЛАНИЕ ИЗУГРАФА ИОСИФА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

2.1. Изуграф при дворе Алексея Михайловича

Иконописцы в XVII в. причислялись к сословию ремесленников, как правило, дети иконописцев шли по стопам родителей. Как и в других ремеслах, мальчиков определяли к мастеру-учителю, заключая «договорную запись». В ней ученик обязывался «ходить с учителем на всякую работу и работать ее безответно», помогать по хозяйству и слушаться членов семьи учителя, мастер – выучить «без всяких хитростей и без утайки», «без прогулов», кормить и предоставлять необходимые в обучении «снасти». Обучение длилось от 2 до 5 лет, по уговору [46].

Стоглав определяет обязанность иконописцев – писать «в образ по подобию и по существу, смотря на образ древних живописцев и знаменовати с добрых образов» [7].

Царь Алексей Михайлович содержал в Кремле Золотую, Серебряную и Оружейную палаты – мастерские, подчиненные Оружейному приказу. Созданный в 1621 г. иконный приказ был расформирован в 1630-х гг., царские мастера-иконописцы переданы Оружейному приказу. Т.В. Муравьева в книге «Московский изограф Симон Ушаков» констатирует участие иконописцев-знаменщиков не только в написании образов, но и в других работах: росписи царских комнат, знамен, ювелирных изделий, оружия, в создании рисунков для вышивок и прочее [46, 7–35].

Изуграфы, работавшие на Оружейный приказ, делились на кормовых и жалованных. Первые не состояли в штате, а исполняли конкретную временную работу, получая жалованье («корм»). Поступая на службу, они проходили

просмотр-отбор, представляя свои работы опытным иконописцам, и предоставляли поручителей в своей готовности к работе. Кормовые мастера были освобождены от налогов. Жалованные изографы, как прошедшие дополнительный отбор, зачислялись в штат приказа и приравнивались к служилым людям. Они были освобождены от повинностей (например, выделять людей для караулов, ремонтировать уличные решетки и т.д.).

Жалованье государевы изографы получали в виде денежного, хлебного окладов и ежедневного «корма». Сохранились челобитные изографов с просьбами прибавить к жалованью, чтобы сравняться по окладу с равным себе по уровню мастерства иконописцем.

Положение кормовых изографов было менее прочным. Жалованья кормовых изографов было недостаточно, чтобы обзавестись жильем в столице. Сохранились их челобитные, которые, как правило, царь удовлетворял.

Итак, жалованные изюграфы, к разряду которых принадлежал Иосиф Владимиров, занимали наивысшее положение в рядах царских иконописцев, состояли в ведении Оружейного приказа. В XVII в. для них действовала система финансовых поощрений – пожалований от царя соразмерно их мастерству и положению в профессиональной среде. Таким образом, автор источника находится в материальной зависимости от царских пожалований, ведь именно служба царю обеспечивает ему его статус.

2.2. Изобразительное искусство середины XVII в.: политико-идеологические направления

XVII в. становится переломным для образованного русского общества, и если мы выделим составные части секуляризации, то увидим, как неравномерно они распространялись на различные слои населения.

Еще в XVI в., как пишет Н.Ю. Маркина, наметились 2 направления в искусстве. Первое – «историографический реализм, стремление изобразить реальный объект в обожествленной, преобразованной Святым Духом форме» [39, 92], идущий от стремления к «личному безотносительному контакту с Богом» [39, 92] – он определял древнерусское искусство в Средневековье. Второе направление – «попытка интеллектуального, оторванного от личного духовного опыта познания Бога и сотворенного им мира, ... внимание к морализаторской стороне Священного писания» [39, 92]. Так, направления формируются по ведущему способу познания мира: чувственный или абстрактный. Исследователь отмечает, что второй подход «приводил к представлению нематериальных субстанций и абстрактных идей в нематериальной форме» [39, 92] – форме символа, аллегории. То есть в XVI в. «интеллектуальные» попытки познания Бога используют язык символов и фокусируются на догматике, а чувственные – основаны на вере и стремлении пережить сакральный опыт богообщения.

Социолог религии Ю.Ю. Синелина среди причин секуляризации сознания XVII в. выделила, во-первых, «раскол, ... посеявший сомнения относительно правильности пути, выбранного высшей церковной иерархией», «отбросивший наиболее религиозно активную часть населения в оппозицию к власти» и «обнаруживший, что «сами не знаем, во что веруем»». Во-вторых,

«слабую разработанность национального нравственно-религиозного идеала». И в-третьих, даже саму «религиозность мировоззрения», из-за которой «новые идеи воспринимались некритически, как объект новой веры» [59, 87–88]. Так, исследователь находит предпосылки секуляризации в кризисе прежней системе ценностей, ее неспособности удовлетворять новым запросам населения и изменяться согласно требованиям времени.

Л.Г. Березова пишет, что XVIII в. стал для российской элиты отнюдь не веком рационального мышления. Напротив – греческий миф был перенят как новая вера – «образ эпохи, представления человека ... об идеальном мироздании и своем месте в нем» [16, 313] – в рамках которых создавался миф о реальности. Из этого ярко видно, что секуляризацию необходимо рассматривать без взаимосвязи с рациональностью мышления. Некоторые слои населения перестали удовлетворяться существующими религиозными и идеологическими идеями, и замещали их новыми. Каковы же были принципы этих «новых» идей?

Л.Б. Сукина считает, что именно XVII в. стал плавным переходом: «средневековая культура Души постепенно накапливала в себе элементы антропологических качеств личности Нового времени (культуры Разума)» [65]. Так, различные сферы в XVII в. начали выноситься из ведения Церкви, причем прошлая культура не терялась, а только заслонялась новыми ценностями.

Исследователь философии религии Л.А. Андреева, напротив, находит тенденции к секуляризации сознания только в петровских реформах, в результате которых «монархия фактически стала «менее» сакральной – формализованно сакральным институтом» [14]. То есть секуляризация коснулась первым делом отношений власти и подданных. То, что

Л.А. Андреева не выделила XVII в. значимым этапом обмирщения, ярко показывает переходность периода. Так, изменения в идеологической и религиозной жизни общества действительно включали в себя секуляризацию. Она происходила постепенно в разных сферах, одним из первых изменилось восприятие отношений власти и подданных.

Историки показывают динамику развития культуры [26, 29] – отмечают распространение антропоцентризма, эсхатологических настроений, мнений об отказе от посмертного прощения и об одиночестве человека перед Судом [65], начало десакрализации государства [15]. И в то же время – узость в XVII в. круга лиц, способных переосмыслять ценности Церкви и государства [66].

Мы видим, что в XVII в. в традиционную культуру – с обрядоверием, характерно ужесточение религиозных норм, внимание к обрядовой стороне религии, эсхатологические ожидания. Нормы религии стали категоричнее, что стало причиной большего внимания к ним со стороны законодательства. Причины секуляризации можно найти в культурном кризисе, обрядоверии и в торжестве светской власти над церковной. Мыслителям XVII в. свойственно желание примирить новое восприятие мира, антропоцентризм, с традиционными представлениями.

В учебнике по социологии религии В.И. Гараджа высказывает мысль, что секуляризация сознания произошла после развития автономии мирской сферы, которая, в свою очередь, «утверждалась не посредством секуляризации, а на основе идеи цезарепапизма – признания первенства светской власти именно как порядка, согласного установлению Божьему» [20, 283]. В.И. Петрушко же отмечает, что широкому кругу священства были близки, напротив, теократические идеи [52, 301]. Поэтому можно говорить, что оба историка пишут о разных концепциях объединить светскую и духовную

власть, и в случае победы идеи теократии происходила бы клерикализация, а победа цезарепапизма привела к секуляризации.

Так, мы выходим на проблему участия Церкви в культурной жизни как политического игрока.

Источник создается в период никоновских реформ – власть провозглашала «истинными» и «древними» греческие книги и каноны, возрос авторитет вселенских патриархов.

Сами эти патриархи принесли ценности – во многом – барокко. Так, П. Алеппский как образец красоты использовал «критскую школу», хвалил малороссийский резной барочный иконостас [1].

Вместе с этим в 1654–1655 гг. проводится показательный процесс против «фряжских икон», 2 упоминания о котором принадлежат П. Алеппскому [1] и одно – косвенное – самому автору нашего источника. Спорный вопрос, какие именно иконы были запрещены властью (подробнее – в гл. 3).

Таким образом, реформы патриарха Никона не ставят целью борьбу с секуляризацией, а политика Церкви в сфере иконописи противоречива, руководствуется международными целями. Определение стиля иконописи в реальности остается на усмотрение изуграфов.

Рассмотрим художественные течения 1650-х, чтобы лучше понять художественную позицию Иосифа Владимирова.

В.В. Бычков считает, что в XVII в. «творчество из акта молитвенного единения с духовным архетипом, из медитативно-теургического действия ... превращается «в ремесленное живописание», слабеют глубинные связи, соединявшие искусство и другие сферы культуры в единое целое, русское художество начинает приобретать самодовлеющую ценность» [19]. То есть

массовое обращение к иконописцам стало причиной повышения ремесленных запросов к иконе не только как объекту поклонения, но и как к товару.

Строгановский стиль ярко отражает стремление к внешней красоте и затейливости, эпическим сюжетам, декору. Он был распространен в купеческой среде. Патриарх Иосаф (еще живя в концепции цезарепапизма, которая, как мы решили ранее, катализирует секуляризацию) поддерживал направление, близкое по декоративности и плоскостному изображению к строгановскому стилю. В 1644 г. по его заказу была расписана церковь Ризоположения в Кремле (см. приложение 8).

Царь поддерживал традиционную школу. Фрески Успенского собора (см. приложение 7), выполненные по описям после счистки предыдущего слоя штукатурки в 1643 г., за год до фресок церкви Ризоположения – пример стремления к абстрактному познанию сложных концепций через символы. К новым веяниям искусства можно причислить начатки перспективы во взаимном расположении архитектурных объектов и сложные, резкие и контрастные силуэты ангелов.

Фрески Архангельского собора (см. приложение 10), царской усыпальницы, выполнявшиеся под руководством Симона Ушакова с 1652 г., более динамичны. Виден интерес к незначительным движениям в бытовых ситуациях (например, апостол Петр с ключами от дверей Рая), движения характерны и слегка манерны, грациозны. В архитектуре на иконе появляются элементы русской культуры – кокошников, балясин. Фигуры во многих сюжетах «устанавливаются» на плоскость, приобретая опору. Итак, в более позднем Архангельском соборе проявляется динамика без ощутимых заимствований из барокко. Может быть, тогда складывается, определяется путь русской культуры.

Радикально иное направление – творчество Симона Ушакова (см. приложение 11) и Якова Рудакова Казанца (см. приложения 5–6). Первый в 1658 г. Написал первого в серии «Спаса Нерукотворного». Второй – в 1659 г. – «Благовещение» с клеймами и икону Андрея Критского и Георгия Хозевита. Несмотря на обращение к греческой тематике при выборе святых, Яков Казанец вводит элементы барокко в иконописную архитектуру и облака, отваживается изобразить небо почти черными тонами, сделав плавную растяжку-переход к свету. Вместе с этим, на его работах отсутствует пространство, архитектура лишена точки опоры, а сюжеты клейм показывают абстрактные идеи через символы [6]. Итак, в его творчестве – синтез влияния барокко и сильной традиции русской иконописи.

Таким образом, Иосифа Владимировича окружали противоречивые направления в искусстве. Динамичный и самостоятельный стиль Архангельского собора формируется с 1652 г. Благодаря Симону Ушакову. До этого зависимый от царя патриарх поддерживал последователей строгановского стиля, а после – в Оружейной палате распространились тенденции барокко. О позиции патриарха Никона судить не беремся из-за противоречивости его действий в сфере традиций.

2.3. Биография Иосифа Владимиров

Сам Иосиф Владимиров в 1652–1653 гг. Работал в церкви Троицы в Никитниках. Здесь фрески динамичнее (см. приложение 9), чем в Архангельском соборе (см. приложение 10), также как и там, художник фокусировался на положениях и характерных позах героев – в Никитниках движение не столько грациозны, сколько экспрессивны, даже несколько гиперболизированы, манерны и театрализованны [12]. Среди сюжетов: на левой стене храма (которую видели мужчины, стоящие по традиции справа) изображены притчи, прослеживается внимание к неравенству и трудности духовного спасения для богача (притча о бревне в глазу). На правой же стене – подробное изображение крестных страстей Христа [11]. Различие тематики на разных стенах при сложнейшей композиции показывает, как стены храма используются для цельного высказывания разным социальным слоям. Иконопись приобретает не только духовный, но и социальный смысл.

Итак, в Троице в Никитниках уже на деньги торговых людей развивается стиль из Архангельского собора – динамизм, экспрессивность и русские мотивы. Появляется социальная тематика.

Автор нашего источника – изуграф Иосиф – прожил детство и юность при патриархах Иосафе и Иосифе, которые мало вмешивались в политику [52, 170]. Так утверждалась идея автономии этой сферы общественной жизни. Патриархи допускали печать произведений западнорусских книжников, распространяли книги отцов Церкви, рассуждающих об основах православия – тем самым побуждали образованное общество подвергать книги критическому анализу и развивали «самомышление» [15]. Тем ярче для Иосифа могла ощущаться попытка перехода от торжества идей цезарепапизма

1640-х гг. к никоновским теократическим идеям – ранее мы рассматривали, как подобный переход ускоряет секуляризацию.

Из описанных в предыдущей главе собором Иосиф Владимиров участвовал в росписи московских Успенского и Архангельского. В 1650 г. одним из пятерых ярославцев участвовал в росписи киотов Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, в 1653–1654 гг. – в работе над иконами московского Успенского собора. Итак, изуграф работал над престижнейшими заказами. Его высокий статус закреплен пожалованием в жалованные иконописцы.

Местопребывание Иосифа в 1654 г. неизвестно – он мог быть призван вместе с Симоном Ушаковым и другими мастерами Оружейной палаты в Вязьму, для росписи знамен [46]. Альтернатива – пребывание и работа в Москве во время чумы. Возбудила ли чума в нем рациональные мысли, или иррациональные эсхатологические ожидания? На этот вопрос еще предстоит ответить.

На мировоззрение человека влияет его окружение. В Оружейной палате работали мастера из различных городов: Федор Козлов, Яков Рудаков и Иосиф Владимиров из Ярославля, Гурий Никитин и Рожков из Костромы, Никита Павловец из-под Нижнего Новгорода другие.

Русские мастера ценились и за пределами Московского государства. Например, в 1641 г. просил прислать их для росписи церкви Трех Святителей в Яссах молдавский господарь Василий Лупу. Изуграф Иосиф мог общаться с теми, кто вернулся после выполнения этого заказа.

С 1650-х гг. Оружейный приказ возглавил Б.Н. Хитрово, один из ближайших бояр царя, раненный под Ригой. Павел Потоцкий, 12 лет проживший в Москве, вспоминает о Хитрово, что тот «уничтожил

господствующее (в Оружейной палате) тиранство и основал Храм Граций» [3]. Хитрово коллекционировал произведения искусства, «смягчал кротостью и приветливостью», «ходатайствовал за бедных» и «превосходил министров в искусстве правления» – пишет путешественник [3].

Должности руководителя иконописной мастерской не существовало: по разным версиям, им был или Яков Казанец, или Степан Разинец, они были старше и Иосифа Владимиров, и Симона Ушакова, которые могли бы ориентироваться на их опыт. На иконе Якова Казанца «Алексей, человек Божий, и Мария Египетская», написанной в 1848 году и выполненной в строгановской манере, наблюдаются отголоски перспективы [6].

Приятелем Симона Ушакова Т.В. Муравьева считает иконописца Федора Козлова [46]. Оклад мастерам платили как равным по уровню, единственная сохранившаяся икона работы Козлова – «Вход в Иерусалим» – написана в манере Ушакова. Мастера были ровесники, в штат Палаты были приняты с разницей в несколько лет.

Наиболее ярко влияние барокко видно в работах Якова Казанца. Итак, Иосиф Владимиров был не одинок в своем поиске нового по сравнению с древнерусским стилем. Многие ведущие мастера Оружейной палаты приносят в иконопись наработки перспективы, понятие земного света, сочетая со свойственной строгановскому стилю декоративностью.

Во время пребывания в Москве в доме Симона Ушакова Иосиф Владимиров должен был быть прихожанином церкви Троицы в Никитниках. О некоторых прихожанах этой церкви сохранились сведения. Степан Олябьев, посадский человек, в 1650-е годы был допрошен по делу обвиняемого в ереси греческого монаха Арсения, члена свиты иерусалимского патриарха Паисия. Обвиняемый Арсений был сослан на Соловки, а расспросный лист Степана

Олябьева сохранился и дает сведения об этом человеке. Показания Олябьева записаны так: «Степан хотел было у него поучиться по латыни, и как де тот старец сослан на Соловки, и он де учиться перестал и азбуку изодрал, потому что учили ему говорить родные, перестань де учиться на латыни, дурно де, а какое дурно, того не сказали» [цит. по 65]. Отсюда видно, что знание латыни выглядело предосудительным и опасным, даже когда поощрялось вселенскими патриархами. Другой прихожанин – торговый человек Богдан Щепоткин. Он руководил закупками у иностранцев для царского двора различных товаров декоративно-прикладного искусства. В ту же церковь ходил и богатейший купец Василий Шорин, владевший соляными промыслами в Соликамском уезде, 11 лавками в Москве, кроме того, торговавший пушниной и «рыбьем зубом». Во второй половине 1630-х годов этот купец стал обвиняемым по делу, начатому голштинскими послами.

Таким образом, среди товарищей Иосифа Владимирова по Оружейной палате был распространен отход от существующих канонов. Думается, он сопровождался повышением интереса к иным культурным традициям и книгам. Иосиф Владимиров имел возможность общаться с иностранцами-мастерами из Польши, Греции и стран севера Европы. Одновременно с этим среди соседей иконописца по Китай-городу царили как позитивные, так и осуждающие мнения о писательском творчестве.

Предположительно после написания текста источника, в 1657 г. Продолжает работать с Ушаковым над царскими заказами, в 1659 г. – с ярославской артелью расписывает Успенский собор Ростова, в 1660 и 1664 г. – Архангельской собор Кремля, вместе с Ушаковым пишет в Кремлевском дворце. Кроме этого, расписывает знамена, а с 1660 по 1664 числится знаменщиком Печатного двора. Раз его допустили до книг, значит «Послание»

не вызвало острых конфликтов. Как и его связи с Европой – образ Спаса Нерукотворного его работы был в 1663 г. выгравирован в Вене.

Итак, Иосиф Владимиров смог из ярославского посадского подняться до престижного положения жалованного иконописца и работать в ключевых церквях страны. Он работал в разных городах с разными мастерами, и имел возможность синтезировать противоречивые культурные направления, признан в интеллектуальной и политической элите. Разница стилевых особенностей фресок этих храмов (от статики, простоты и символизма к декоративности, динамике, аллегоричности) показывает поиск изобразительного языка – нехарактерное для средневекового сознания состояние. Так, автор принадлежит к культурной элите и совершает смелый шаг, создавая «Послание». Изуграф, видимо, интересуется европейской культурой и получает ее признание. Иосиф разрабатывает стиль, поощряемый царем с 1552 г., и на этом пути он неодинок. Он допускает новые, смелые и яркие образы. Его работы приобретают экспрессию и социальную тематику, живописец, думается, ищет свой стиль.

2.4. Особенности «Послания изуграфу Иосифу»

Источник сохранился в 3 списках XVII в., однако единого подходящего для исследования экземпляра нет. Мы воспользовались исследованием Е.В. Овчинниковой, в котором она датировала и опубликовала Уваровский список, в сносках показывая его разночтения с остальными.

Самый ранний список (из Хронографа №458), создан после 1660-го г. и содержит пометки на полях, которые Е.С. Овчинникова относит к перу Симона Ушакова, адресата «Послания» [48, 20]. Этот список сохранился с оборота 12 по 51 лист. Здесь много разговорной лексики и «написания слов, близкого к произношению» [48, 20]. Другой список – копия XIX в. со списка, близкого к Хронографу №458 и «не сохранившемуся списку конца XVII в.» [48, 22]. Единственный его недостаток для нашего исследования – что первые листы текста не сохранились. Этим списком мы пользуемся для восстановления большинства утраченных в Хронографе № 458 фрагментов.

Третий список (Уваровский, он же № 915) относится к 1680-м гг. [48, 21]. В нем Е.С. Овчинникова видит появление украинизмов и полонизмов, сочетающихся с плетением словес и – местами – с разговорной речью. Он прошел правку, во время которой вычеркнули ряд мыслей о социальном положении иконописцев. А также нецеленаправленно изменили несколько фраз никоновской риторики. А именно – вычеркнули одно из упоминаний сербов и болгар [48, 31], одно из многих упоминаний греков [48, 32], убрали упоминание Литвы [48, 46]. В вопросе соотношения царской и патриаршей власти списки также произвольно расходятся: И. Грозный предписывает нормы поведения, в Уваровском списке «по царскому совету», а в копии XIX в.

– «по церковному» [48, 55]. Мы используем этот текст для восстановления смысла утраченных фрагментов только в крайнем случае.

Утраченные в Хронографе №458 страницы мы читаем по списку из сборника № Q. XVII-23. Он относится к 1690-м годам [48, 22], однако ориентируется на переработанный Уваровский список 1680-х гг.

Итак, в исследовании мы стремимся опираться на текст списка, наиболее близкого к тексту Иосифа Владимирова, и где это возможно опираемся на список, содержащий правки Симона Ушакова. В иных случаях – на созданную в XIX в. копию. Первые страницы берем из переработанного человеком иной риторики Уваровского списка.

«Послание» – первое в ряду теоретических обоснований изменений в иконописном стиле. После него создано «Слово к люботщательному иконного писания» Ушакова, сочинения об иконописи Симеона Полоцкого.

По форме наш источник – трактат с элементами публицистики в форме послания Симону Ушакову, содержит обличение позиции диакона Иоанна Плешковича, который выступал против живоподобного стиля. Сведения об оппоненте приходится черпать из самого текста «Послания». Изуграф Иосиф пишет, что Плешкович выступал против поклонения перед написанными иностранцами иконами, а также живоподобными образами, публично осуждал их чествование и осквернял их. Как следует из «Послания», И. Плешкович доказывал превосходство дешевых неискусных икон над произведениями столичных мастеров.

Задачи автора состояли в том, чтобы, во-первых, добиться экономической поддержки – для чего он представляет положение изуграфов бедственным и называет это причиной культурного упадка. Иконописцы – посадские, нередко прикрепленные к нескольким городам одновременно – не

раз пытались освободиться от налогов [4]. Во-вторых, автор стремился нормативно примирить традиционное и новое в иконописи, добиться признания важных для него ценностей на фоне активного вмешательства в искусство идеологических и политических сил. Во вступлении изуграф Иосиф называет причиной написания им «Послания» «понуждение» Симона Ушакова [2, 24], иконописца, у которого в то время жил и с которым работал. Далее пишет, что желает сообщить «о премудрой мастроте истового персонография, рекше о изящном мастерстве иконописующих» и о «нужнейших вещах во иконописании неискусне бывающих» [2, 24]. Иосиф желает передать свой взгляд на современную ему иконопись, изложить мнение о проблеме распространения неискусно написанных образов.

Автор пишет о нежелании зарывать талант в землю – «в завистном сердце скрюю и моланием погребу» «талант» [2, 28], что говорит о его уверенности в своей правоте. Можно предположить, изуграфу Иосифу было важно утвердить свое понимание современной ему христианской этики, показать, что новая эстетика не противоречит истине.

Церковные соборы заседали в 1653–1656 гг., утверждая никоновские реформы – и иконописец, желая повлиять на мнение участников собора, мог не подстраиваться под конкретную дату, думая, что собор соберется вновь. Е.С. Овчинникова предполагает: первая часть «Послания» «была одним из предварительных материалов для будущих постановлений Собора» [48, 18]. Значит, основная аудитория Иосифа Владимировича – иконописцы, священники и участники церковных соборов, и аргументы рассчитаны на них.

Итак, источник позволяет исследовать мировоззрение автора, высказанную им позицию по социально значимым тогда вопросам и образ его читателей, как он его представляет.

3. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКА: ВЫЯВЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ К СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

3.1. Категориальный анализ источника: выявление значений понятий «святые», «Бог», «сатана», «бес», «свидетельство», «вера»

Как уже сказано ранее, используем категориальный анализ [24]. Значения наиболее часто используемых автором понятий поможет более точно понять текст и определить особенности мировоззрения изуграфа.

1. Сначала – вслед за А.Л. Юргановым [71] – рассмотрим значения в нашем источнике понятия «вера» – сохранило ли оно средневековую коннотацию «почитания».

Понятие «догматы» и «древнее святых предание» автор использует как синонимы («ни кроме преданных догмат глаголати хощу, нужда ми рещи, яко да древнее святых предание невредно соблюдалося» [2, 28]). «Уверить» читателей в отсутствии намерения отступить от «преданных догматов» (данных Богом догматов) автор посчитал нужным в самом начале книги [2, 28]. То есть в его «вере» существуют положения, отступать от которых нельзя, и они включают в себя область церковных канонов и традиций иконописи.

Изуграф считает, что его оппонент посягает на «декреты» [2, 44], а защищать их автора побуждает то же, что заставляет воинов вламываться во вражеский строй или больного – принимать горькое лекарство согласно метафорам изуграфа [2, 44]. То есть стандарт поведения человека, долг, нормы морали, вошедшие в обычай.

Потенциальные читатели должны были на старте убедиться, что книга написана человеком верным. «Верными» автор называет читателей и себя, когда дает наставления – ими становятся все носители христианской традиции,

кроме «маловерных» (названы также и «неразумными») [2, 30; 2, 34], а также тех, кто сам или действием бесов «отвращается» от веры. Вера связана с принадлежностью к христианской традиции, с подчинением слов и поступков христианским нормам.

Несмотря на радикальное деление «верный – мало/неверный» автор во вступлении оговаривает для себя право на ошибку («еже обрящеши несмысленне написаная нами или неведением, что глаголах, ты же ми Христа ради не зазри» [2, 28]). Так, определение «верности» человека остается на усмотрение Церкви – именно за нею последнее слово в сопоставлении поведения человека с заповедями и канонами. Однако автор вводит идею права на ошибку.

Изуграф называет «верой» религию язычников, что говорит о вынесении самого понятия из сферы церкви.

Понятие «вера» сохраняет средневековое значение «угождения»: она дана людям, чтобы они могли «творити и блюсти» ее [2, 28]. «Веру» можно «держать» [2, 33] плохим иконам, «простирать» Богу [2, 36]. Проявить «совершенную веру» можно, украшая икону и воздавая ей «достойную цену» [2, 34]. «Безверием» [2, 34] же автор называет отрицание святости икон. Здесь наблюдается заложенное в языке неразличение догматов и традиций, повышенное внимание к обычаю и обряду.

«Увериться» можно образом Христа, Им оставленным для всех людей [2, 34], или наблюдая чудо [2, 37]. Так, автор принимает иконопись за свидетельство истинности всей совокупности традиций («веры»). Именно поэтому красота иконописи чрезвычайно важна для «уверения» людей. Можно предполагать, что к иконописному изображению автор относится как к объекту, позволяющему подробнее узнать о святом или об образе

воплощенного Бога, и тем самым приобрести субъективный опыт сакральных переживаний.

Вера в понимании изуграфа – это не просто допущение или знание, субъективное отношение к некоему содержанию. Но это и не совокупность обрядов, как, по исследованию А.Л. Юганова [71], было раньше. Предполагаем, лучше всего значение слова «вера» в современном языке отразит слово «почитание», «почтение». Слово «вера» отражает обязанности человека перед Богом и проявляется в исполнении традиций. Однако «уверение» – это уже субъективное доказательство истинности.

Самому изуграфу становятся неудобно широкое значение слова «вера», он борется с рамками языка. Так, появляется оборот, что «веровать» возможно плохописанной иконе, но автор предлагает вместо этого «Христу тщание показывати и истинну снискати» [2, 42]. Здесь он сам разграничивает почитание иконы (или святого посредством иконы) и жизнь по заповедям, поиск истины.

Таким образом, понятие «вера» имеет средневековое значение почитания и обязанности перед Богом, часто заменяет понятие «обряд, традиция», подразумевает достаточно конкретные действия. Отступление от такой традиции равносильно отступлению от Бога, если только это не ошибка разума – ее изуграф готов оправдать. Вместе с этим, введение понятия «уверяться» показывает идею о субъективном религиозном опыте. Иосиф Владимиров исповедует ценность исполнения обряда, при этом допуская и уважая иные пути религиозной жизни. Это показывает его стремление самостоятельно рассуждать о вере и пересмотр традиций, стремление разграничить их с догматами и ценность разума, отсутствие страха перед сомнением.

2. Затем рассмотрим случаи употребления понятия «свидетельство»

Разберемся со значениями слова «свидетельство». Зачем свидетельства Иосифу Владимирову? Автор в самом начале текста убеждает, что он и «вернии» читатели «не своими глаголами уверяясь, но от древних писании повести приемлят и богодухновенных мужей и свидетельства в посредок износят» [2, 44–45]. Так, «свидетельство» способно «уверить» автора и читателя – то есть является неким гарантом сведений. Это понятие выделено отдельным однородным членом. Это понятие шире, чем понятие священных, понятий предания и писания, в него включены иные источники информации.

Иосиф Владимиров использует его формы 14 раз. Из них 4 раза – в качестве глагола. «Свидетельствовать» об историческом событии (связанном с политикой Греции в сфере иконописи), по его мнению, может конкретный «историк церковный» Базапиуш [2, 32]. Здесь синонимом может выступить слово «подтверждать то, что испытал на собственном опыте».

В остальных 3 случаях наблюдаем другой тип «свидетельств». Первое – «История» Еммануилова образа «свидетельствует» о том, что изображать Эммануила надо «добр взором и мастытыма очима» [2, 51]. Второе – «Апостольские деяния» «свидетельствуют», что Лука писал иконы «святых, и пророк и апостол», изображая «первообразных подобия» [2, 61]. Третье – «неложные глаголы пречистой Матери Его» [2, 51] «свидетельствуют» о поведении Богородицы при снятии с Креста. Во всех случаях автор апеллирует не к Писанию, а к Преданию. Несмотря на то, что в Деяниях апостолов не упоминается ни изображений апостолов кисти Луки, ни конкретных действия Богородицы в часы снятия с Креста, автор считает, что читателя должна убедить излагаемая им информация. Этот тип аргументации не является ведущим, чередуется с апелляциями к «Многосложному свитку патриархов

греческих к царю Феофилу» – произведению II века, ставшему иконописным канонem, к церковным песнопениям. Из этого можно заключить, что автор и читатели находятся в пространстве, где Предание, Писание и тесты служб переплетаются в цельную схему. Предание едино и общепризнанно, однако может подвергаться критике. Из историй о христианских деятелях, пересказывавшихся его современниками, автор извлекает и ценностные ориентиры иконописи, и физическое описание сюжетов.

Таким образом, понятие «свидетельство» используется в контексте житейского опыта реже, чем в роли апелляции к событиям, которые зафиксированы в Предании и богослужебных текстах.

В других местах текста «свидетельство» используется в значении опыта пережитого («первейший свидетель о том (чуде) едеский князь Ангарь» [2, 47] или экспертизы мощей святого и выяснения его внешности («...или в нетлении плоти почивают. И со всяким тщанием свидетельствовани бывають и прилежне зримы премудрыми живописцами образы (святых) написуются» [2, 32]. Также «свидетельство» означат справку о получении образования («не доучась у мастеров и без свидетельства» [2, 34] – такова заметка на полях, поясняющая социально-правовой аспект деятельности плохих изуграфов). Можно здесь утверждать, что свидетель – это тот, кто непосредственно видел событие.

Рассказывая о поступках Плешковича, Иосиф Владимиров пишет о «послухе неложном» – свидетеле событий, который, видимо, клянясь, «поставляет Бога свидетеля ... злоукорному языку» [2, 48] Плешковича. Здесь «свидетель» – это тот, кто владеет истинной информацией о событии. Если вчитываться во фразу «поставлять Бога свидетеля» получается, что в ней декларируется перенос на Бога человеческих качеств, которыми Он по

умолчанию не обладал. На этом этапе важно, что категория «свидетельства» вынесена из сфер Церкви и духовной жизни.

Критериями знания для Иосифа Владимиров было наличие хотя бы одного уважаемого свидетеля – признанного Церковью, или наблюдавшего, по мнению самого иконографа, обсуждаемое явление. Поэтому события, виденные другими иконописцами, автор подкрепляет ссылками на конкретные имена и клятвы наблюдавших, а виденное им самим [2, 24] или современные ему события излагает как факты [2, 30].

Таким образом, Иосиф Владимиров начинает использовать слово «свидетельство» в секуляризованном значении. Вместе с этим, автор апеллирует к Преданию, и ожидает его общепризнанность в среде читателей. К этому он прибегает не только при разговоре о ценностях иконописи – здесь обращение к общепризнанному устному нарративу было бы понятно, ведь устная культура отражает ценности общества. Иосиф Владимиров использует Предание и для формулировки допустимых канонов иконописи, трактуя Предание как надежный источник знания о прошедшем. То, что ему важно изобразить именно прошлые состояния конкретных людей будет видно из дальнейшего параграфа о темах полемики. Можно предположить, что его окружение одновременно сохраняет веру всей совокупности церковных правил, текстов и преданий, не различая их по степени достоверности или значимости.

Здесь Иосифу Владимирову рамки языка, однако, снова тесны – он вводит слово «самовидец» для обозначения непосредственного чувственного опыта реальных современников святых.

3. Понятие «Бог»

Автор использует слово «Бог», говоря о событиях Ветхого завета, о Боге Отце, и о Богородице, а еще – по отношению к идолам древнего Рима («Павел рече «Боги их»» [2, 46]). Значит, понятие означает высшее существо, никем не виденное, которому поклоняются и признают его власть над собой. Оно иногда используется вне контекста православной церкви, иногда – по отношению к язычникам. Возможность на суде «поставлять Бога в свидетеля» [2, 48] показывает, что изуграф переносит на Бога человеческие характеристики «быть свидетелем» и наблюдателем.

В моментах текста, где автору надо рассказать что-то о Боге, он ссылается на Предание, Писание и тексты служб. Он пересказывает или цитирует основные положения священных текстов по обсуждаемым вопросам.

Рассмотрим волнующие его вопросы, связанные с образом Бога. Иосиф уверен: «Божия бо существа невозможно видети ни ангелом, ни человеком» [2, 52]. В начале 1 части «Послания» автор поясняет что «иметь пред очима» [2, 57] стоит «того самого сущего единого в трех составех» Бога [2, 57]. Благодаря уточнению «тот самый» автор ставит акцент на это утверждение. Видимо, это положение было ему важно, как иконописцу.

Автор осознает противоречие, состоящее в изображении невидимого, предлагает его решение. Он уточняет, что люди способны изображать «вмещаше» [2, 30] (подразумевается непостижимость Бога сознанием) только «схождение» Бога, а не «само существо» [2, 30]. В этих рассуждениях он ссылается на пророка Исайю. Далее Иосиф приводит цитату апостола Павла: «егда прииде кончина лету, послал Бог Сына своего единородного ... тако бы сниде единый от пресвятыя, единосущныя Троицы нераздельное слово Божие от пречистыя Девы – Бог и человек, нас ради, како убо вся яже наша восприят, кроме греха» [2, 30]. Автор позволяет себе рассуждения о Боге, в которых

опирается на широкий круг текстов Священного писания, постоянно цитируя устойчивые фразы о догматах, при этом изуграф отмечает непознаваемость Бога.

Благодать Бога даруется им же и дает силу побеждать «пререкуемых», «заграждать еретических уст безду хулы» [2, 32]. «Божьим узаконением» [2, 36] автор называет нормы благочестия, в том числе – нормы церковных соборов («а еще неистовство является во иконах, а се не по божию узаконению, ни от святых веления» [2, 36]). Без отсылки на конкретную книгу изуграф цитирует: «проклят бо всяк творящий дело божие с небрежением», и сразу же следом пишет – «потщимся творити святыню во страхе божи» [2, 44]. Исходя из контекста, для автора «святыня» и «дело Божие» – одно. Под «делом Божиим» можно понимать как качественную иконопись, так и жизнь согласно заповедям. Это – обязанности человека перед Богом. В формулировке «в божественном писании» «божественным» назван апостол Павел как наделенным благодатью [2, 52]. Итак, Бог наделяет человека благодатью-святостью в награду за исполнение норм благочестия.

Бог, согласно тексту «Послания», знает обо всех делах и словах человека и волен даровать человеку те или иные качества и способности по его просьбам, изменить жизнь человека. Именно Бог, по словам автора «возложи темность и одичание на диявола» [2, 26].

Таким образом, говоря о Боге, Иосиф Владимиров обильно использует цитаты из священных текстов и постоянно повторяет догматы веры устойчивыми фразами. Для него Бог – непознаваемое существо, а икона изображает Его схождение. Бог всемогущ и ожидает от людей исполнения норм благочестия и уважения традиции. В то же время в быту понятие «бог»

используется и вне православного контекста, а Творец наделяется человеческими свойствами.

4. Понятие «святые»

Автор ставит в однородный ряд вопросы «весь ли род человеческий во едино обличье создан» и «все ли святые смуглы и скудны были плотию» [2, 26]. На оба вопроса подразумевается отрицательный ответ. Однако второй, про святых, изуграф находит нужным прокомментировать: если и убиты они были на земле, пишет он, «но амамо о животворени и просвещении явишася душами и телесами» (но по воскресении были просвещены душами и телами) [2, 26]. Изуграф Иосиф ставит святых и исторических личностей в один ряд, видит в них реальных людей, продолжающих жить. Так, говоря о «велегласном Исаии» автор употребляет глагол «уничижает» в настоящем времени [2, 26], как о живом человеке. Пересказывая кратко темы «Послания восточных патриархов императору Феофилу» против иконоборческой ереси, изуграф Иосиф уточняет, что изображать святых следует «подобне сущих обличии» (похожих на настоящую внешность святых), «иде ж тогда якови были и ныне есть или в нетлении плоти почивают» (какие тогда были или как сейчас нетленны остаются) [2, 32]. Таким образом, святые в сознании автора – конкретные реальные люди, «угодившие Богу» [2, 32; 2, 56] и «просиявшие жития чистотою» [2, 31], тела некоторых из них лишены тления.

Икона предстает доброй традицией («писати обыкоша» [2, 36]), основанной на любви к святым и желании сохранить память о них («вечного воспоминания за незбытную любовь к ним» [2, 37]. Она нужна не святым, а людям.

Что важно иконописцу в историях святых? В тексте он углубляется в психологизм нескольких сцен священной истории, представляя плачущую

Богородицу, которая «объемля своим руками всенепорочное тело (распятого Христа) и на колену полагая, и матерьски уцеловав вселюбозное лице (Его), и ... жалостные глаголы изрекла» [2, 51]. Здесь автору важно описать позу Девы и посредством детали – ее эмоцию. Однако при описании иных сюжетов он ограничивается пересказом сюжета, констатацией состояния – и подкрепляет это обширным цитированием песнопений. В частности: «отвеоду и до тридневнаго воскресения его пишется образ Христов мертв» [2, 57] – пишет он, хотя можно было обойтись без слова «тридневный» – этот догмат православия общеизвестен. Итак, автор фокусируется прежде всего – на позах героев (святых) – это логично для иконописца. А еще – он наделяет святых человеческими эмоциями и наблюдает, как они проявляются в движениях. И это все сочетается с обилием постоянно повторяемых кодовых конструкций-цитат Писания.

Таким образом, понятие «святые» используется изуграфом только в контексте православия. Они в его представлении – реальные люди, значимая часть его картины мира. Иосифу Владимирову важно, что они переживали понятные человеческие ситуации и теперь озарены благодатью. Вместе с этим, почитание святых близко к воспоминаниям о собственных знакомых, а написание икон – к доброй семейной традиции.

5. Понятия «бес» и «сатана».

«Чувственными» силами автор называет людей [2, 44], «мысленными» [2, 39] – ангелов/духов. И те, и другие, по его мнению, бывают врагами человека. С «видимыми» («чувственными») врагами изуграф предлагает поступать «по Христе» [2, 44]. Свой текст Плешковичу, в котором устрасает и оскорбляет противника, называет «возражением» [2, 24] – то есть мирным противодействием «чувственному» врагу. В мире Иосифа Владимирова

человек может мыслить «телесно» и «духовно» [2, 61], причем второй способ является высшим и необходимым для спасения.

Можно ли говорить о зле как о субъекте? Изуграф Иосиф приводит цитату апостола: «не всякому духу веруйте, но искушайте духи, сиречь разсмотрите, аще от Бога суть, ибо есть дух Божий и дух льстечь» [2, 40]. На человека с одинаковой вероятностью могут воздействовать полярные силы. «Бес» не является запретным словом и не вселяет ужас. С ним (в единственном числе) сравнивает оппонента Иосиф – «гнушаешься (образа Распятия Христова) и бегаешь от лица Его, яко темный бес, яко дым от огня» (изуграф начинает косвенно цитировать молитву Кресту Господнему) и «со единовѣрными и христоименитым народом вкупе в молебных песнях не приобщаешься» [2, 48]. Для усиления восклицания автор использует словосочетание «который бес позавиде истине» [2, 26] – это может как относиться к Плешковичу, так и являться риторическим вопросом. В списке 1690-х вместо словосочетания «яко бешен пес» используется «яко бесен бес» [2, 50], что говорит о скорой окончательной секуляризации понятия.

Автор пишет, что обвиняемый им «мечется и творит развращенно сердце свое» [2, 50]. Бесы в «Послании» – мерзкие и бессильные, желают вредить православным. Нельзя утверждать, что автор верил в их существование – они могут быть и литературным образом.

Источник зла, «сам сатана» или «диавол» в «Послании» может быть «посрамлен яко немощный и страшливый льстец» и завистник [2, 45]. С ним сравнивается оппонент изуграфа как «покушающийся отравать» своих сообщников от правой веры [2, 48]. Автор считает, что поругание иностранных икон почти тождественно, как если бы он «со иудеи Христа распинал» – оба поступка несут «радость» сатане [2, 48]. Удел сатаны и тех, кто ему «радость

творит» – ад. Итак, среди духов зла по «Посланию» существует определенная иерархия.

Итак, автор верит в неограниченную власть Бога над злом, духи зла вызывают отвращение и презрение, а не страх. Изуграф относит позицию оппонента ко злу и даже сравнивает оппонента с бесом, тем самым понятие бесов выносятся из ведения церкви.

Таким образом, категориальный анализ показал, что средневековый спектр значений слов «вера», «свидетельство», «бес» и даже «Бог» перестает удовлетворять иконописца. Средневековое значение слов связано с обязанностями человека перед Богом. Понятие «вера» сохраняет средневековое значение «угождения», в то время как «свидетельство» получает материалистическую трактовку. Вместе с этим, автор воспринимает Писание, тексты песнопений и Предание как единую догматическую базу для рассуждений о канонах иконописи (что позволяет ему, например, ссылаться на историю о написании евангелистом Лукой икон Апостолов как на «апостольские Деяния» [2, 61]). Широкий спектр значений средневековых понятий вынуждает автора вводить редкие слова, в частности, вместо «свидетеля» – «самовидец» [2, 54], что говорит о рационализации его мышления. Из этого можно сделать вывод: Иосиф Владимиров выносит из ведения Церкви только часть понятий, а именно относящиеся к быту, социальным отношениям, построениям логических связей. При этом автор – верующий, находится внутри цельной взаимосвязанной картины мира, в которой разделение на достоверные и недостоверные истории слабо.

Таким образом средневековый спектр значений расширяется в практике словоупотребления, определена высокая роль средневековых понятий в сфере обязанностей человека перед Богом.

3.2. Темы, обсуждаемые в полемике, и позиция автора

Сначала рассмотрим позицию автора по обсуждаемым в 1650-е гг. Темам. Социальные проблемы занимают значительную долю авторского внимания. Сквозная мысль, возникающая в каждой из частей текста и соединяющая их – необходимость борьбы с «плохописанными иконами», «плошьем» [2, 33– 35; 2, 55– 56; 2, 60].

На тему иконописных образцов, предмета церковных споров в 1650-е гг. – считает, что многия «погрешения» [2, 25] были в русских книгах, а пользоваться для сверки необходимо «греческими добрыми преводами» [2, 25], как «заповедано древле» [2, 34]. Упоминает сербов и болгар в ряду перенявших истинное апостольское учение [2, 31; 2, 46], ссылается на греческий синоксарь [2, 35], Шестослов черногорской печати Острожского монастыря [2, 40]. Просматривается признание греческих образцов как истинных, уважение к культуре православных патриархий. Упоминание сербов и болгар пропадает в списке 1690-х годов – его можно трактовать как «поклон» в сторону идущих полным ходом никоновских реформ.

О соотношении власти царя и патриарха автор не пишет, однако цитирование притчи о динариях и слова «мнеховесе, мнее кесарева божия воздаяния? Неипаче ли больши и честнейшии» [2, 37] показывают, что автор служение Богу мыслил значимее, чем подчинение царю.

В иконописном стиле не приветствуется ни барокко (ценимое Павлом Алеппским) [2, 53], ни упрощенные формы народной иконописи [2, 33; 2, 53], ни стремление к богатому декору («кичащися в разуме (ищут) не было бы

только дешевых икон» [2, 33]). Видим собственную позицию в рамках дозволенной парадигмы.

Тема европейского влияния обсуждается во второй части – через полемику с Иоанном Плешковичем. Автор пишет, что Плешкович, ссылаясь на мнение Никона, стал осуждать иконы европейского письма [2, 55], называет его пересказ «ложью». Он осуждает оппонента за то, что тот апеллировал к позиции Никона, не зная ее наверняка («ниже достоверно то веши» [2, 55]). Однако в качестве подтверждения автор вместо фактов приводит свою интерпретацию позиции патриарха. Иосиф Владимиров считает – Никон проклиная не «художество живописания», а «грубых и неистовых иконописцев» [2, 55]. Так, автор отстаивает допустимость иностранного стиля и иностранных икон в иконописи.

В подтверждение этого автор приводит аргументы: 1) о способностях иностранцев, которые те используют на благо [2, 45]; 2) о недопустимости поругания любых изображений Бога и святых по аналогии с необходимостью почитать изображение царя [2, 41]; 3) о том, что запрет на иностранную живопись лишь поднимет популярность «плошья» [2, 35–36]. Из них видно, что автор в рамках религиозной культуры использует как апелляции к ценностям Церкви, так и рационалистические доводы.

Автор описывает сюжет Снятия со Креста так: Богородица при снятии с Креста, рыдая, «(Христа) и на колену полагает» [2, 51]. Этот сюжет не характерен для русской иконописи. Нам удалось найти только одну икону кон. XVI–нач. XVII вв., где бы Богородица была изображена подобно [7]: в большинстве случаев она либо стоит рядом, либо вместе с другими касается тела Христа сбоку [6]. Думается, эта иконография основывается на барочных заимствованиях, и то, что автор является ее сторонником, говорит о его

симпатиях к некоторым чертам барокко. А именно – к эмоциональности. Иосиф Владимиров интересуется состояниями изображаемых людей.

Цель иконописи для Иосифа – «взираючи, в познание и в чювства приходити» [2, 33]. Он разрушает взаимосвязь чудотворности икон [2, 38] и их качества, разграничивает области сакрального и мирского значения изображений – икона предстает доброй традицией («писати обыкоша», [2, 37]), основанной на любви к святым и желании сохранить память о них, мнение о невозможности молиться без иконы критикуется. Изуграф считает, что христианская культура формируется множеством людей, которые корректируют действия друг друга, Бог же не вмешивается в формирование традиций и канонов. Живопись, в понимании Иосифа, изображает конкретного человека «по смотрению плотскому» [2, 54] с его чертами характера и состоянием, призвана передать подобие без «улишений» и «отхождений» [2, 39]. Эмоциональное воздействие изображения, по мнению иконописца, способно выступать «свидетельством», а воздаяние «чести» святому через его икону – привести человека к истинной «вере». Так, Иосиф Владимиров отходит от символистской трактовки иконописи и стремится к реалистичности и материалистичности, сохраняя абстрактное понятие о Боге, изображения же святых приближает к портретам. Иконописец перестает сакрализировать традицию и допускает самостоятельные рассуждения о Боге.

О сквозной теме трактата – распространении плохих икон – автор размышляет в контексте причин подобного явления. Сначала он рисует почти эсхатологическую картину упадка – одни мастера смеются, создавая иконы («смехом и руганием образы кгваздают» [2, 40]). Другие пишут на шахматных досках [2, 41] – то есть создают заведомо оскверненные этой запрещенной

Церковью игрой предметы. В обоих случаях автор сознательно задевает чувства верующих, желая вызвать их эмоциональный отклик.

Причины упадка он видит прежде всего в позиции людей. Крестьяне, по мнению иконописца, верят, что чем «плоше» [2, 33] написана икона, тем святее она. Купечество – стремится показать социальный статус своим богатством, не заботится о иных достоинствах иконы, кроме цены [2, 33]. Иконописца не устраивает приход рыночных тенденций на рынок иконописи. Распространение на нем низкокультурных течений Иосиф Владимиров связывает с попусчением священнослужителей [2, 36].

Другую группу причин упадка он видит в действиях власти. Пишет, что иконописцы «разорены» налогами, а некоторые «невольные» – вынуждены работать «за единую нужнейшую чреву дневную пищу», а не за «сущую мзду наемничю» [2, 35]. Так, автор стремится улучшить положение иконописцев. Говорит, что они страдают от конкуренции с продавцами дешевых икон, от потери богатых заказчиков, одна часть которых предпочитает экономить на иконах, а другая использует иконы для демонстрации своего статуса, выбирает богато украшенные образы невзирая на качество письма. И в сочетании с ростом налогов иконопись становится невыгодна, из нее уходят в «писари, купечество, чернечество, дьяконство и священство» [2, 35].

Автор отстаивает несостоятельность запрета живоподобной живописи. Он ценит талант живописца, указывает, что икона – только изображение, но не сам святой. Изуграфу не принципиально соответствие ранее установленному канону, ведь в иконе ценность – «подобие» реальности.

Иконописец формулирует основы стиля «живоподобия» – разрушает взаимосвязь чудотворности икон и их качества [2, 38], разграничивает области сакрального и мирского значения изображений – икона предстает доброй

традицией («писати обыкоша» [2, 37]), основанной на любви к святым и желании сохранить память о них, мнение о невозможности молиться без иконы критикуется. Иосиф Владимиров считает: христианская культура формируется множеством людей, которые корректируют действия друг друга, Бог же не вмешивается в формирование традиций и канонов. Живопись, в его понимании, изображает конкретного человека «по смотрению плотскому» [2, 54] с его характерными особенностями в момент прославления [2, 52; 2, 57; 2, 58]. Она призвана передать подобие без «улишений» и «отхождений» [2, 39]. Эмоциональное воздействие изображения, считает автор, способно выступать «свидетельством», а в воздаянии «чести» святому через его икону видится аспект истинной «веры». Так, изуграф Иосиф отходит от символистической трактовки иконописи, сохраняя абстрактное понятие о Боге. Тем самым он сознательно ограничивает возможные предметы изображения только материальными объектами. И стремится реалистическими методами изобразить постоянный вечный мир, передав состояние изображаемых людей. Иконописец перестает сакрализировать традицию, допускает самостоятельные рассуждения о Боге, но из текста видно, что это было несвойственно большинству его современников.

Итак, изуграф описывает кризис искусства, каждое из направлений которого терпит поругание от разных групп. Основные проблемы автор видит в социальном положении иконописцев [2, 35] и системе ценностей заказчиков [2, 33; 2, 35]. Они, по мнению Иосифа, ставят материальные ценности выше служения Богу, хоть бедные и сочетают это с сакрализацией обрядов [2, 35; 2, 42] и суевериями [2, 41; 2, 43]. Так, к окружающим людям автор относится критично и наделяет их чертами рационалистической логики. Невыгодное положение иконописцев Иосиф Владимиров ставит в ряд причин упадка в

искусстве. Сам упадок представляется не только богопротивным явлением, но и причиной распространения европейского влияния.

3.3. Ценности потенциальных читателей на основе анализа образа антигероя

Яркая особенность источника: отсутствие единого представления о читателе. Автор в тексте обращается и к Симону Ушакову («И елико о сих понудил мя еси, господине, возписати к тебе о премудрой мастроте истового персонография» [2, 24]), и к читателю («зри, доброразсудный читателю», [2, 26] «должно убо нам, вернии» [2, 30] – автор использует обращение как 2 лица, так и 3-ого), и к Плешковичу («ты же, вредоумный Плешковиче, сего крестного знамения отвращаешися» [2, 48], и к Богу («Нам же, верным, даждь, Христе свете истинный» [2, 61]). Переходы между различными обращениями не зависят от номинального деления на части и главы, однако перемежаются достаточно пространными рассуждениями с использованием безличных предложений («егда имеют обучение врачевствию ... напаяют» [2, 44], «на стенах и листах воображают», «егда написуют» [2, 42]). Такие предложения показывают эталон должного поведения.

От успеха аргументации изуграфа Иосифа могли зависеть судьба развиваемого иконописцем направления в искусстве и его заработок. Поэтому структура и содержание текста Иосифа Владимировича соответствуют цели дискредитировать позицию оппонента и защитить свою. Изуграф Иосиф строит текст в стиле эристической дискуссии, ведь цель изуграфа Иосифа – склонить оппонента и аудиторию к своему мнению. Позиция Плешковича будет дискредитироваться (на 6 страницах современного шрифта оппонент 6

раз был оскорблен). Так, в сведениях о Плешковиче предполагаем найти образец отрицательного персонажа.

Аргументы, использованные для дискредитации позиции И. Плешковича, мы разделили на «сакральное» и «мирское».

2. Сакральное осуждение

Иконописец сравнивает диакона с сатаной и абсолютизирует его, как кажется Иосифу Владимирову, нравственное падение. Изуграф Иосиф приравнивает отрицание диаконом икон иностранного стиля к отрицанию главного символа христианства. «Крестного знамения отвращаешься» [2, 48] – говорит он Плешковичу. Плешкович, по его словам, возбудил «древнюю брань» и «древнее зло» [2, 45], «противен ... божественному писанию» [2, 46], и «древнее отеческое предание отчуждает» [2, 46]. «Яко и сатана», он смущает православных, искушает их [2, 48], «яко Июда не восхоте разумети» истины [2, 45]. Он называется «видимым врагом» [2, 45]. «И с ним ада не минеши, аще сам себе зазришь о сем. ... Како не удавилася, испустившая таковой глас гортань твоя?» [2, 48] – пророчит и восклицает изуграф Иосиф.

Такие методы осуждения, превращающие девианта во врага всех христиан, изуграф сочетает с оскорбительными сравнениями. Пороку духовному соответствует порок телесный. Так, говоря о «двоедушном нраве» [2, 47] и «маловерии», изуграф восклицает: «На обе нози маловерием храмлеши» [2, 47], а сообщая о том, что оппонент «не восхоте разумети истинны», заключает: «ослеп еси» [2, 45]. Образ душевных пороков связан с телесными.

Однако с сакральным связаны и другие аргументы. Так, Иосиф Владимиров приводит цитаты из Евангелия, Священного Предания, Библии, византийских сборников и решений Стоглавого собора. Цитаты играют роль

исторических примеров, назидательных притч или подтверждений истинности фраз.

На пересечении сфер мирского и сакрального осуждения стоят обвинения в жадности, в том, что диаконом влечет жажда наживы и нежелание тратить деньги на дела Божии, то есть на дорогие иконы.

2. Мирское осуждение

Иосиф Владимиров использует то, что С.И. Поварнин в «Искусстве спора» называет «палочным аргументом» [54] – фразы, за спор с которыми человек наверняка потерпит кару от государства. Изуграф сравнивает изображение Христа и изображение царя и провоцирует оппонента: «Достоит ли таковую персонь царьскую похвалити и любезно почитати?» [2, 46], «Аще земнаго царя икону страха ради понуждаеши ся чтити, то како небеснаго [царя] не убоялся еси живописанный Христов образ уничижити?» [2, 46].

Редко, но изуграф использует метафоры, не несущие сакрального значения. Говоря о необходимости постоять за «вещи боготворимыя» [2, 44], он использует метафору горьких лекарств и жестокой битвы – ситуаций, когда неприятное необходимо. На ту же тему он приводит подобие притчи: «Или отца своего раздираема призрел еси» [2, 48]. Священные Писание и Предание иногда используется в качестве исторического сборника, не связанного непосредственно со священными правилами и подверженного прямому буквальному толкованию, например: «одно из первых изображений Христа сделали язычники», «не от язык ли церковь прият Христос?» [2, 47], «апостол Павел благословил идол «неведомого бога»» [2, 46].

Иосиф выявляет противоречия в позиции противника («нам зазираешь от иноземцев принимать иконные воображения, сам же тех хитроделия

касаешься» [2, 50], «не от немец ли ... вино...приемлешь... и не токмо нечистыя их руце осязает та, но скверными ногами своими в точилах топчют» [2, 50]).

Он обвиняет оппонента в неразумии («Где твой разум? Вся правда суть разумевающим истинну и здрава обретающим разум» [2, 50]), невежестве («невегласе» [2, 59], «несмысленн, не странен ли был и прежде ты» [2, 46]). Итак, автор, ставя акцент на неразумии оппонента, противопоставляет его «добразсудным» читателям [2, 26].

Таким образом, автору важно осудить отступление от Священного писания и предания и неправильное исполнение «веры». Можно заключить, что сфера сакрального осуждения для автора представлена абсолютизацией нравственного падения оппонента, сравнения его с сатаной. А в сфере мирского осуждения Иосиф выявляет логические ошибки в позиции противника, использует «палочные доводы», метафоры, не прикрепленные к священным сюжетам и логику притчи для обвинения в неразумии и невежестве. На стыке сфер стоят использование цитат из Священного Писания в роли исторических примеров, аналогий или притч, и обвинения в жадности. Так, мы выделили такие ценности потенциального читателя, как истинная и «истовая» «вера», соответствие слов и поступков. Также, можно говорить о разуме как умении логично строить аргументацию, «вере» и почитании Бога как о ценностях потенциальных читателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVII в. власть радикально ставит вопрос об определении пути развития русской культуры, вынуждая выбирать между наследием угасающей Греции и культурой Европы, входящей в страну через Киево-Могилянскую академию и торговые контакты. Остается распространенным средневековое сознание с характерными для него обрядоверием, чертами язычества и запретом на самостоятельные рассуждения о сакральном. Нормы поведения в типичном для средневековья мировоззрении определяются церковными правилами, апокрифическими историями, притчами, которые формируют особое сакральное пространство общества, полностью определявшее сознание каждого человека. Образованная часть посадского населения, торговых людей и духовенства усваивает новые черты культуры, начиная исключать разные области жизни из пространства общерусского мифа. Дискуссия о степени секуляризации сознания представителей различных сословий и характере этого процесса в историографии остается открытой.

На фоне экономических проблем и поляризации идеологий автор нашего источника, иконописец Иосиф Владимиров, формулирует компромиссный путь в искусстве, основываясь на российских реалиях, а не на механическом заимствовании иностранных образцов. Представитель образованной элиты, он обладает собственным взглядом на мир, объединяет влияние противоположных культурных течений.

Из категориального анализа и анализа аргументации видно, что в сознании автора значимую роль играют рациональные начала и логические построения. Он унаследовал от Средневековья понятийный аппарат, знания о мире и отсутствие сомнений в истинности священных текстов и

апокрифических преданий, однако начал переосмыслять традиции, отделяя их от догматов. Ряд вопросов от решения написать остросоциальный и идеологически смелый трактат до определения экономической политики государства и современных иконописных канонов выносятся им из сферы, подлежащей церковному регулированию. Кроме того, позиция Церкви и подтверждения из священных текстов по названным вопросам перестают видиться достаточными для вынесения суждений и оценок.

Изуграфу не принципиально соответствие ранее установленному канону, он допускает самостоятельные рассуждения о сакральном, придает определяющее значение разуму и логичности действий. К христианской культуре относится как носитель, имеющий право определять ее развитие, а ценность искусства измеряет не «богоугодностью», а установленными людьми представлениями. Икона становится свидетельством памяти о конкретном человеке, фиксирующим факт прославления святого. Итак, Иосиф Владимиров измеряет христианские традиции и сакральные отношения рационалистическими методами. Но это означает не разрушение представлений о едином сакральном пространстве христианской культуры, а лишь критический подход к отбору этого христианского наследия.

Язык современников изуграфа с трудом позволяет выразить идеи собственного эмпирического и духовного опыта, что вынуждает использовать примеры и вводить специальные редко употребляемые слова. В своем окружении изуграф видит схожие со своими ценности, а низшие слои населения упрекает в обрядоверии. Можно говорить, что элементы рационального светского начала в середине XVII в. распространяются в культурной элите русского общества и играют значимую роль в спорах о направлении развития русского искусства.

ИСТОЧНИКИ

1. Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию. Кн. 5. [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/rus6/Makarij_2/text51.phtml?id=8159 (дата обращения: 10.01.25)
2. Послание некоего изуграфа Иосифа к царёву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Фёдоровичу / вступит. ст. и комментарии Е. С. Овчинниковой // Древнерусское искусство. XVII век. М. 1964. С. 24–61
3. Потоцкий П.С. Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича. [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Potockij_Pavel/text1.htm (дата обращения: 6.02.24)
4. Дело [Оружейной палаты] об освобождении Симона Ушакова и других московских иконописцев от несения уличных караулов. Посл. треть XVII в. // Дела Оружейной палаты и Казенного приказа об иконописцах, живописцах и закупке красок [Рукопись]. 1674–1684. 26 л.
5. Деяния Московских соборов 1666 и 1667 гг. М., 1905. 379 с.
6. Иконопись XVII в. // портал «Христианство в искусстве: иконы, фрески, мозаики...» [Изображение] URL: <https://www.icon-art.info/authors.php?lng=ru> (дата обращения: 4.02.25)
7. Снятие с Креста. Положение во гроб. Кон. XVI–нач. XVII вв. / портал «Христианство в искусстве: иконы, фрески, мозаики...» [Изображение] URL: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=6264 (дата обращения: 4.02.25)
8. Стоглав. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/Стоглав> (дата обращения: 4.02.25)
9. Фрески Успенского собора Московского Кремля. 1642–1644 гг. [Изображение]. URL: <https://izi.travel/ru/32e0-stenopis-uspenskogo-sobora/ru#/browse/e5abd7d2-e759-4571-96fb-1c68e8b349bb/ru> ; (дата обращения: 10.01.25)
10. Фрески Архангельского собора [Изображение]. URL: <https://www.russkoeokino.ru/books/kremlin/kremlin-0016.shtml> ; https://www.icon-art.info/location.php?lng=fr&loc_id=74&mode=mur (дата обращения: 10.01.25)
11. Фрески церкви Троицы в Никитниках. 1650-е гг. Москва [Изображение] URL: https://odintsof.ru/index/cerkov_troicy_v_nikitnikakh/0-278
12. Фрески церкви Троицы в Никитниках. 1650-е гг. Москва [Изображение]

ЛИТЕРАТУРА

13. Андреев И.Л. Алексей Михайлович [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=160452&p=1> (дата обращения: 16.01.22)
14. Андреева Л.А. Феномен секуляризации в истории России: цивилизационно-историческое измерение // Л. А. Андреева; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т Африки РАН. М.: Ин-т Африки РАН, 2009. 197 с.
15. Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVIII века. М.: РГГУ, 2009. – 427 с.
16. Березовая Л.Г. Берлякова Н.П. История русской культуры: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 771 с.
17. Брюсова В.Г. Симон Ушаков и его время // Материалы и исследования. 8: Русская художественная культура XVII века. 1991. М. С. 9-19
18. Буслаев Ф.И. Сочинения, т. II. СПб. 1910. С. 423–434
19. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М.: Мысль, 1992. 637 с.
20. Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М., 2007. 348 с.
21. Гараджа В.И. Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М.: Наука, 1995. 223 с.
22. Гладкова А. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянской культуры, 2010. 304 с.
23. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика. URL: clck.ru/39mdEW (дата обращения: 30.03.2024)
24. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство. 1984. 316 с.
25. Данилевский И.Н. Интервью // Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Д/данilevskij-igorj-nikolaevich/drevnyaya-rusj-glazami-sovremennikov-i-potomkov-ix-xii-vv-kurs-lekcij> (дата обращения: 13.12.2023)
26. Дмитриев Ю.Н. Теория искусства в письменности Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. IX. М.-Л., 1953. С. 109–110
27. Домострой. СПб.: Наука. 1994. / В.В. Колесов, В.В. Рождественская [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/domostr.htm> (дата обращения: 4.02.25)
28. Зиммель Г. К социологии религии. 1993. С. 620–621

29. Ивасив А.И. Владимиров Иосиф [Электронный ресурс]. URL: <https://rexstar.ru/content/alb1473> (дата обращения 13.12.2023)
30. Каменский А.Б. Реформы как историческое понятие и как феномен раннего нового времени (из дискуссии) // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале нового времени (16–18 вв.): сборник статей / под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 174–177
31. Каравашкин А.В. Самоопределение историка: о книге А.Л. Юрганова “Категории русской средневековой культуры”. Россия XXI. N.6/1999. С.40 – 53
32. Карацуба И., Курукин И., Соколов Н. За что боролись в Смуту // Выбирая свою историю. М.: АСТ, 2015. С. 138–139
33. Кириченко И. Русский стиль. Поиски выражения нац. самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII-нач. XX в. / Е. И. Кириченко. Москва: АСТ. 430 с. с. 579)
34. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.3 // Ключевский В. О. Собрание сочинений в 9 т. М.1988. Т.3. С. 109–112
35. Козляков В.Н. Ближние люди первых Романовых. М.: Молодая гвардия. 2022. 340 с.
36. Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: Летопись власти. М: Молодая гвардия, 2018. 650 с.
37. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // О жизни, быте и нравах русского народа / Сост. А.И. Уткин. М.: Просвещение, 1996. 146 с.
38. Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. – М: Просвещение, 1987. С. 9–319 с.
39. К проблеме изучения иконы «Четырехчастная» / Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Вып.2 / ред. Ю.Н.Звездина, Н.Ю. Маркина. М.: АЛЕВ-В-, 2000. С. 128
40. Лазарва А.В. Новые законы для старого порядка: “реформы нравов” в немецких княжествах в годы Тридцатилетней войны (1618–1648) // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале нового времени (16–18 вв.): сборник статей / под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 99–117
41. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. СПб: “Азбука”, 2015. 314 с.

42. Луковцева А.К. Психология и педагогика [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/3648511/page:16/> (дата обращения: 13.12.2023)
43. Майков Л.Н. Симеон Полоцкий русском иконописании, 1889. 9 с.
44. Михайловский Б.В. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. Ленинград, 1941. 278 с.
45. Молчанов В. Одиночество сознания и коммуникативность знака // Логос. 1997, №9. С. 10–13
46. Муравьева Т.В. Московский изограф Симон Ушаков. М.: Кучково поле, 2018. 320 с.
47. Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. / отв. Редактор акад. Н.Н. Покровский; Рос. Акад. Наук, Спб. Отд-ние. Ин-т истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 304 с.
48. Овчинникова Е. С. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве «Послание некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу» // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 9–24
49. Ожегов С.И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/226838> (дата обращения: 4.02.25)
50. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. М., 2010. 680 с.
51. Перхавко В.Б. Средневековое русское купечество. М.: Кучково поле, 2012. С. 393
52. Петрушко В.И. История русской церкви. Первый патриарший период. М.: ПСТГУ, 2023. 464 с.
53. Плюханова М.Б. «Многосложное послание / свиток» как лаборатория идей [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/62_tom/19-%D0%9F%D0%BB%D1%8E%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 13.12.2023)
54. Поварнин С.И. Грубейшие непростительные уловки / Искусство спора: О теории и практике спора // Воспроизведено по второму изданию культурно-просветительного кооперативного товарищества Начатки знаний. Петроград. 1923. URL: clck.ru/39u6Nu (дата обращения: 6.04.24)
55. Ровинский Д.А. Материалы для русской иконографии [Изоматериал] / собрал Д. А. Ровинский. Спб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг. 1884–1891.

56. Румянцев В.Е. Сведения о гравировании и граверах при Московском Печатном дворе 12 в XVI и XVII столетиях. М., 1870. С. 19
57. Салтыков А.А. Эстетические взгляды Иосифа Владимиров (по "Посланию к Симону Ушакову"). URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2153867/ (дата обращения: 16.10.24)
58. Седов П.В. "Все де ныне государство": трансформации и новации в церковной реформе Петра 1 // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 122–144
59. Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yu-yu-sinelina-sekulyarizatsiya-v-sotsialnoy-istorii-rossii> (дата обращения: 4.12.2023)
60. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины 17 века. Т.2 М., 1948. С.5
61. Сморжевских-Смирнова М.А. Проблема модальности повествования в посланиях Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа [Электронный ресурс]. URL: http://www.smorzhevskihh.com/Public/Problema_modalnosti.html (дата обращения: 13.12.2023)
62. Соловьёв С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 266
63. Спонвиль К. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/1920/Сознание (дата обращения: 4.02.25)
64. Сукина Л.Б. Исторический источник и типологический анализ русской культуры позднего Средневековья. Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. N.4, 2008. С. 60–80
65. Сукина Л.Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. Москва: РГГУ, 2011. 426 с.
66. Талина Г.В. Самодержавное царство первых Романовых. М.: Социально-политическая мысль, 2004. 327 с.
67. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М.: изд-во Братства во имя святого князя Александра Невского, 2015. 106 с.
68. Федоров Н. Тишайший царь Алексей Михайлович. Спб.: Книгоиздательство сельского Вестника, Мойка 32, 1913. 40 с.

69. Филимонов Г.Д. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи – «Сборник за 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства». М., 1873. С. 67–68.

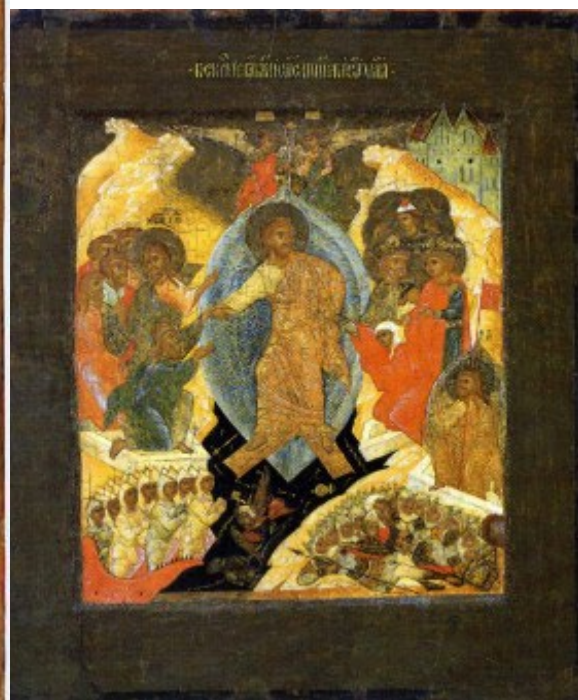
70. Шунков А.В. Жанр послания в древнерусской литературе (на материале эпистолярного наследия Алексея Михайловича). Кемерово: КемГУКИ, 2006. 96 с.

71. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. 368 с.

72. Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. N.9. 2001. С. 36–52

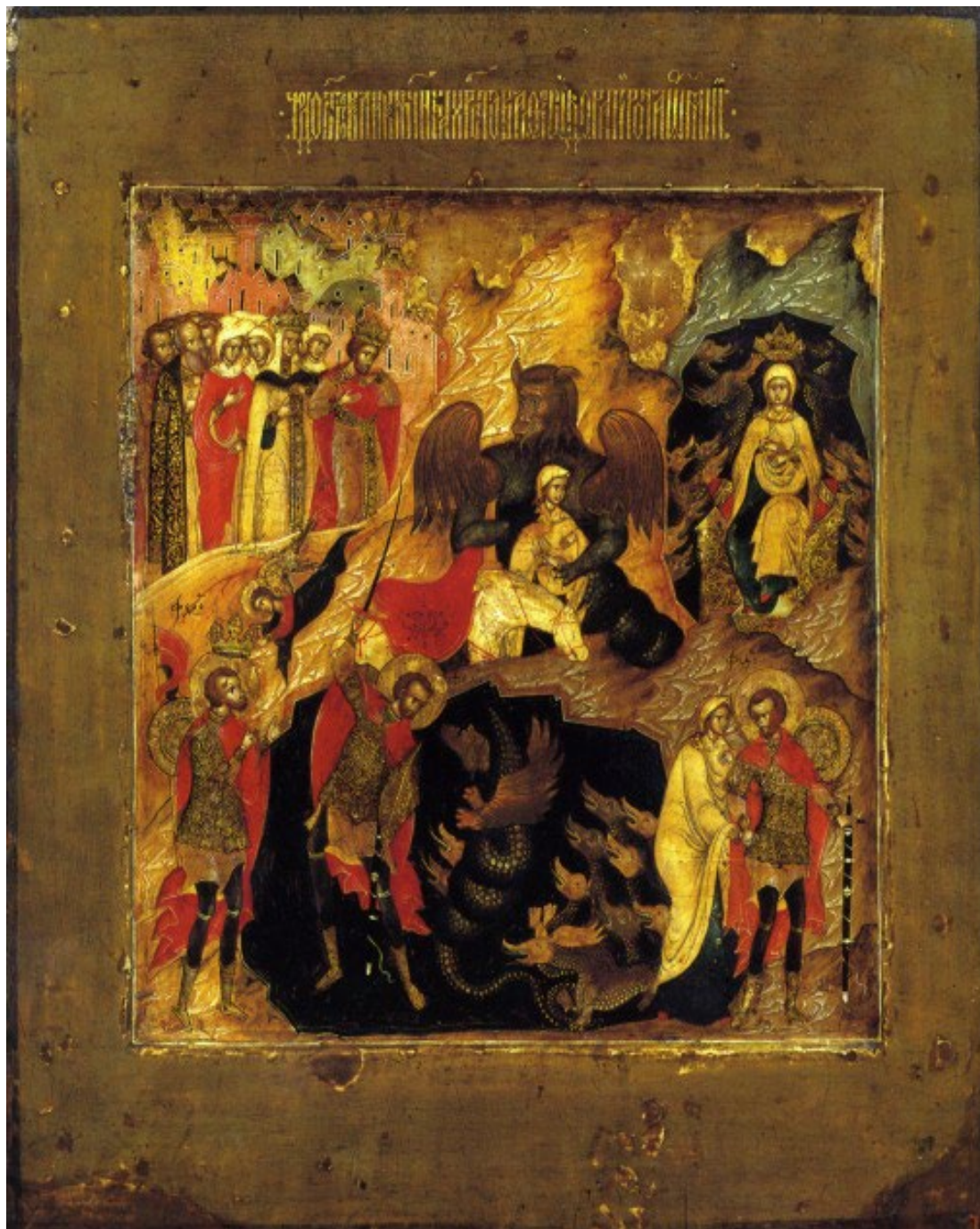
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Савин Назарий Истомин, 1614 г. Петровская икона Богоматери для Успенского собора Московского Кремля (*ниже слева*)

Приложение 2. Строгановская школа, Савин Н., «Сошествие во ад», нач. XVII в. (*выше справа*)

Приложение 3. Истома Савин, строгановская школа, «Чудо о змие Федора Тирона», нач. XVII в.

Приложение 4. Назарий Истомин. 1621 г. Успение Богоматери для Соловецкого монастыря

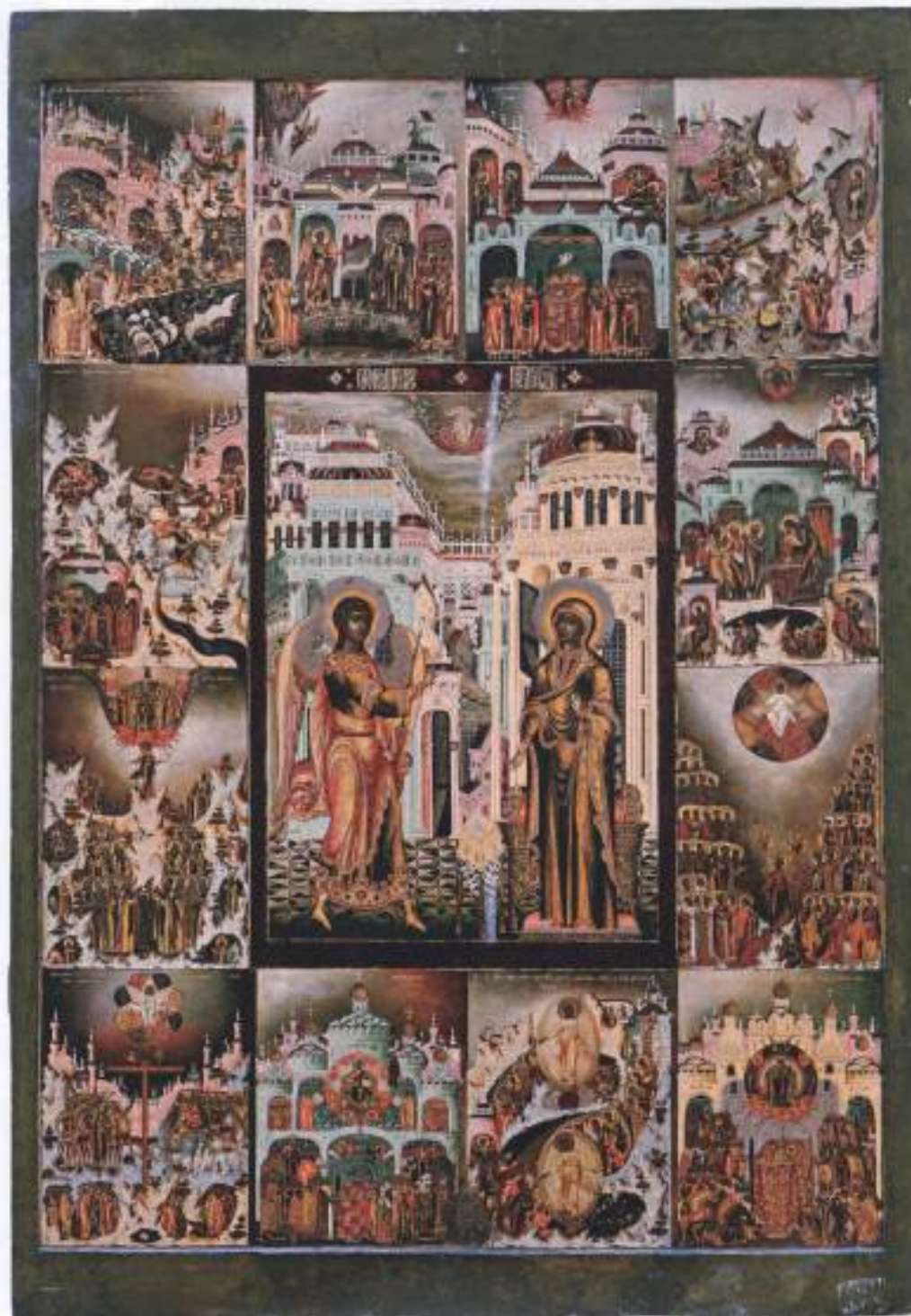

Приложение 5. Рудаков Яков Казанец, сер. XVII в. Богоматерь Благодатное небо с предстоящими святыми Георгием Хозевитом и Андреем Критским, церковь Троицы в Никитниках в Москве

Приложение 6. Рудаков Яков Тихонов Казанец. Благовещение с Акафистом, из местного ряда главного иконостаса церкви Троицы в Никитниках в Москве, 1659 г. государственный исторический музей

Приложение 7. Фрески Успенского собора Московского кремля, 1641–1643 г., «Акафист Пресвятой Богородице. Кондак 1, икос 1», «Отрыгну сердце мое слово благо».

Приложение 8. Фрески церкви Ризоположения, 1644 г., «Чудесное спасение Константинополя от нашествия неприятеля»

Приложение 9. Фрески церкви Троицы в Никитниках, 1652–1653 гг. «Притча о мудрых и неразумных женах», «Притча о бревне и о сучке в глазу».

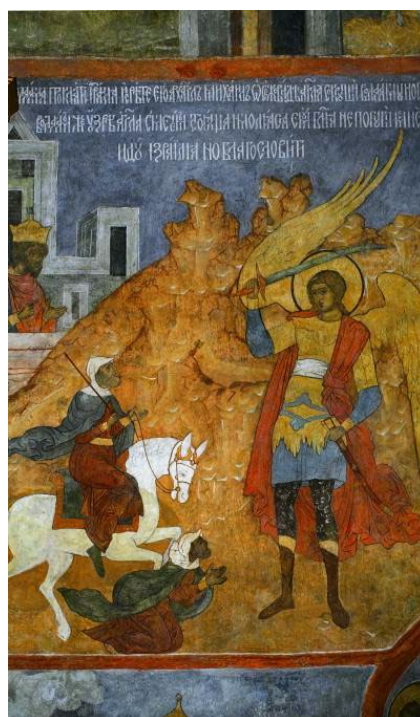

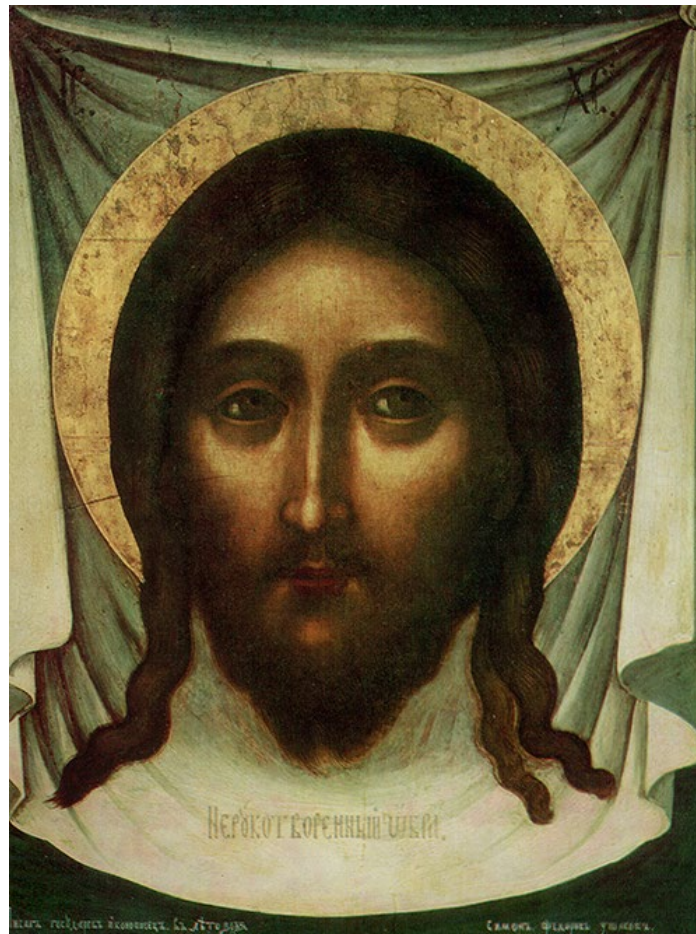
Приложение 10. Фрески Архангельского собора Московского кремля. 1652–1666 гг., «Архангел возмущает воду в Силоамской купели», «Геден посекает мадиаметян», «Архангел Михаил преграждает путь Валааму», «Апостол Петр отворяет двери рая»

Приложение 11. Симон Федорович Ушаков, «Богоматерь Владимирская» 1652 г., «Христос Великий Архиерей» второй половины XVII в., «Спас Нерукотворный» 1658 г. и «Богоматерь Владимирская «Насаждение древа российского государства» 1663 г.

Приложение 12. Церковь Троицы в Никитниках в Москве, 1652–1653 г.
«Сошествие святого духа»

Межрегиональная олимпиада школьников
«Будущие исследователи – будущее науки»

Финальный тур

Шифр

Иа-10

Предмет История

ФИО участника (полностью) Канторова Лукана Дмитриевна

Дата рождения (дд.мм.гггг) 24.10.2006

Город Москва Область —

Образовательное учреждение Лицей МПГУ

Класс 11

86 баллов
Стужа

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
"БУДУЩИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ - БУДУЩЕЕ НАУКИ"
2024-2025 УЧЕБНЫЙ ГОД
ИСТОРИЯ
ФИНАЛЬНЫЙ ТУР

19-10

ФИО Канторова Лукьяна Дмитриевна

(25 вопросов – 100 баллов)

0

1. Расположите в хронологической последовательности исторические события. Запишите цифры, которыми обозначены исторические события, в правильной последовательности в таблицу.

- (1) крещение Руси;
- (2) походы князя Игоря Старого на Константинополь;
- (3) захват Олегом Киева;
- (4) княжение Ярослава Мудрого

Ответ:

988 941-944 882 1019-1054

4

2. Установите соответствие между названиями произведений и именами их создателей:

ПРОИЗВЕДЕНИЯ		СОЗДАТЕЛИ	
А) "Хождение за три моря"		1) Афанасий Никитин	
Б) Икона "Святая Троица"		2) Нестор	
В) "Повесть временных лет"		3) Андрей Рублёв	
Г) "Поучение детям"		4) Владимир Мономах	
		5) Максим Грек	
А	Б	В	Г
1	3	2	4

4

3. Установите соответствие между датами и событиями. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию второго столбца и запишите в таблицу:

СОБЫТИЯ		ДАТЫ	
А) Крещение Руси		1) 882 г.	
Б) Объединение Новгорода и Киева под властью Олега		2) 945 г.	
В) Стояние на Угре		3) 988 г.	
Г) Присоединение Твери к Москве		4) 1240 г.	
		5) 1480 г.	
		6) 1485 г.	
А	Б	В	Г
3	1	5	6

4

4. Прочтите отрывок из летописи и напишите а) имя великого князя, о котором говорится в летописи и укажите б) годы его правления.

" Ратники Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского скоро пошли к монастырю (Троице-Сергиевому)...И взял великий князь икону со гроба святого Сергия и пошёл к дверям южным (Троицкой церкви), отпер их и встретил князя Ивана в дверях тех, говоря: "Брате, целовали мы животворящий крест и сию икону в церкви сей живоначальной Троицы у сего гроба чудотворца Сергия, чтобы не замышлять никому из братьев никакого лиха. А ныне не ведаю, что будет со мною"...Иван вывел его из церкви и из монастыря, и посадил его в голые сани, и отъехал с ним к Москве...В среду на той же неделе ночью ослепили князя великого..."

О т в е т: а) Василий II (Темный) б) 1425 - 1462

4

5. Установите соответствие между событиями и датами. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию второго столбца и запишите в таблицу:

СОБЫТИЯ		ДАТЫ	
А) Присоединение Казанского ханства к Российскому государству		1) 1510 г.	
Б) Начало правления династии Романовых		2) 1547 г.	
В) Присоединение Псковской земли к Российскому государству		3) 1552 г.	
Г) Венчание Ивана IV на царство		4) 1572 г.	
		5) 1591 г.	
		6) 1613 г.	
А	Б	В	Г
3	6	1	2

4

6. Расположите в хронологической последовательности исторические события, связанные с присоединением к России обширных территорий. Запишите цифры, которыми обозначены исторические события, в правильной последовательности в таблицу.

(1) Присоединение Северного Причерноморья ~~1843~~

(2) Присоединение Астраханского ханства 1556

(3) Присоединение Западной Сибири 1580-Е

(4) Присоединение балтийского побережья от Выборга до Риги 1667; 1658

О т в е т:

2	3	4	1
---	---	---	---

4

7. Найдите и запишите порядковые номера терминов, возникновение которых не относится к XVIII веку:

(1) Казна; (2) губернии; (3) магистрат; (4) прокурор; (5) приказы; (6) Сенат.

О т в е т:

1	5
---	---

8. Укажите: (а) название высшего органа государственного управления Российской империи, возникшего в первой четверти XVIII века и (б) годы его существования.

О т в е т: (а) Сенат; (б) 1711 - 1810

3

9. Установите соответствие между событиями и участниками этих событий. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию второго столбца и запишите в таблицу:

СОБЫТИЯ		УЧАСТНИКИ	
А) Свержение Павла I (1801 г.)		1) В.В.Голицин	
Б) Северная война (1700-1721 гг.)		2) Салават Юлаев	
В) Восстание под предводительством Е.И.Пугачёва (1773-1775 гг.)		3) А.Г.Орлов	
Г) Крымские походы (1677-1681 гг.)		4) П.А.Пален	
		5) Иван Мазепа	
		6) Б.П.Шереметев	
А	Б	В	Г
4	6	3	1

4

10. Кто из перечисленных ниже деятелей культуры XVIII века были литераторами? Запишите соответствующие порядковые номера в таблицу.

- (1) В.К.Тредиаковский
(2) Ф.Г.Волков
(3) Г.Р.Державин
(4) Э.М.Фальконе

- (5) Д.И.Фонвизин
(6) И.П.Аргунов
(7) Ф.И.Шубин
(8) Н.И.Новиков

О т в е т:

1	3	5	8
---	---	---	---

3

11. Прочтите отрывок из письма декабриста Г.Е. Батенькова и назовите:

- (а) имя государственного деятеля, о котором идёт речь,
(б) имя российского императора, при котором он осуществлял свою деятельность.
(в) годы правления этого императора:

"...Граф имел обширную и непреклонную волю...Деятель он был неутомимый, и хотя главное его предприятие - военные поселения - общим мнением не одобрялись и были причиною неумолимого на него негодования, однако же он несмотря ни на что и мерами слишком крутыми дал ему обширное развитие..."

О т в е т:

- (а) Аракчеев
(б) Александр I
(в) 1801 - 1825

4

12. Установите соответствие между войнами и их результатами. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию второго столбца и запишите в таблицу:

ВОЙНЫ		РЕЗУЛЬТАТЫ	
А) Отечественная война 1812 г. и Заграничный поход русской армии в 1813-1814 гг.		1) получение Сербией, Черногорией и Румынией независимости	
Б) Русско-иранская война 1826-1828 гг.		2) присоединение к России Эриванского и Нахичеванского ханств	
В) Крымская война 1853-1856 гг.		3) присоединение к России Царства Польского	
Г) русско-турецкая война 1877-1878 гг.		4) нейтрализация Чёрного моря	
		5) присоединение к России Крыма × 1893	
А	Б	В	Г
3	2	4	1

4

13. Установите соответствие между именами исторических деятелей и их характеристиками. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию второго столбца и запишите в таблицу:

ДЕЯТЕЛИ	ХАРАКТЕРИСТИКИ		
А) М.Т. Лорис-Меликов	1) член исполнительного комитета "Народной воли"		
Б) Н.И. Кибальчич	2) дипломат, исследователь Дальнего Востока		
В) Н.Н. Муравьев-Амурский	3) начальник Верховной распорядительной комиссии		
Г) М.Д. Скобелев	4) генерал, отличившийся при завоевании Средней Азии и в русско-турецкой войне		
	5) министр иностранных дел		
А	Б	В	Г
3	1	2	4

4

14. Установите соответствие между политическими партиями начала XX века и политическими направлениями, к которым эти партии относились. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию второго столбца и запишите в таблицу:

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ	ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ		
А) Конституционно-демократическая партия	1) крайний национализм		
Б) "Союз Михаила Архангела"	2) правый либерализм		
В) РСДРП	3) социал-демократизм		
Г) "Союз 17 октября"	4) анархизм		
	5) левый либерализм		
А	Б	В	Г
5	1	3	2

3

15. Что из перечисленного относится к событиям Первой мировой войны 1914-1918 гг.? Выберите 4 ответа и запишите в таблицу цифры, под которыми они указаны.

- (1) создание Кавказского фронта под командованием И.И. Воронцова-Дашкова
- (2) Брусиловский прорыв
- (3) гибель крейсера "Варяг" **x**
- (4) "демарш Н.В. Чарыкова"
- (5) Алашкертская операция
- (6) проведение "рельсовой войны" **x**
- (7) заграничные походы русской армии **x**
- (8) Бухарестский мирный договор

Ответ:

2 4 5 8

4

16. Расположите в хронологической последовательности исторические события. Запишите цифры, которыми обозначены события, в правильной последовательности в таблицу.

- (1) создание Временного комитета Государственной Думы 1917 - 28 февр
- (2) подписание Брестского мира 3 марта 1918
- (3) II Всероссийский съезд советов 25-26 окт 1917
- (4) отречение Николая II 2 марта 1917

Ответ:

1	4	3	2
---	---	---	---

3

17 Прочтите отрывок из воспоминаний У. Черчилля и напишите а) название описанных им событий и б) годы, когда они происходили.

«...Находились ли они, союзники [страны Антанты], в состоянии войны с Советской Россией? Конечно, нет. Но...они находились на русской земле как завоеватели. Они вооружали врагов советского правительства. Они блокировали его порты. Они топили его военные суда».

Ответ:

а) интервенция б) 1918 - 1921

4

18. Расположите в хронологической последовательности исторические события Гражданской войны. Запишите цифры, которыми обозначены исторические события, в правильной последовательности в таблицу.

- (1) Поход на Москву Добровольческой армии А.И. Деникина;
- (2) Мятёж Чехословацкого корпуса; март 1918
- (3) Завершение Гражданской войны на Дальнем Востоке; 1920
- (4) Разгром войск П.Н.Врангеля в Крыму. 1920

Ответ:

2	1	4	3
---	---	---	---

4

19. Установите соответствие между политической деятельностью и фамилиями государственных и партийных деятелей:

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		ФАМИЛИИ	
А) руководство Военно-революционным комитетом в октябре 1917 г. и Реввоенсоветом в годы Гражданской войны		1) И.В. Сталин	
Б) выдвижение плана "автономизации" при обсуждении принципов объединения советских республик в 1922 г.		2) М.М. Литвинов	
В) выступление в начале 1918 г. против подписания мира с Германией и превращения войны с ней в революционную войну против мирового капитализма.		3) Л.Д. Троцкий	
Г) руководство наркоматом иностранных дел в 1930-е гг., разработка плана создания системы коллективной безопасности.		4) М.И. Калинин	
		5) Н.И. Бухарин	
А	Б	В	Г
3	1	5	2

4

20. Установите соответствие между событиями Великой Отечественной войны и датами. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию второго столбца и запишите в таблицу:

СОБЫТИЯ		ДАТЫ	
А) Героическая оборона Брестской крепости		1) 30 октября 1941 – 4 июля 1942 года	
Б) Битва под Москвой		2) 22 июня – 23 июля 1941 года	
В) Героическая оборона Севастополя		3) 30 сентября 1941 – 20 апреля 1942 года	
Г) Битва за Кавказ		4) 17 июля 1942 - 2 февраля 1943 года	
		5) 25 июля.1942 - 9 октября 1943 года	
А	Б	В	Г
2	3	1	5

4

21. Установите соответствие между реформами и фамилиями руководителей СССР, в период руководства которых эти реформы были проведены. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию второго столбца и запишите в таблицу:

РЕФОРМЫ		ФАМИЛИИ	
А) Ликвидация отраслевых министерств и создание совнархозов		1) И.В. Сталин	
Б) Принятие закона "О кооперации в СССР"		2) Н.С. Хрущёв	
В) Реформа А.Н. Косыгина по расширению самостоятельности предприятий		3) Л.И. Брежнев	
Г) Денежная реформа и отмена карточной системы		4) Ю.В. Андропов	
		5) М.С. Горбачёв	
А	Б	В	Г
2	5	3	1

2	5	3	1
---	---	---	---

3

22. Установите соответствие между именами деятелей культуры и их произведениями. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию второго столбца и запишите в таблицу:

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ		ПРОИЗВЕДЕНИЯ	
А) С.С. Прокофьев		1) Киноэпопея "Война и мир"	
Б) Е.В. Вучетич		2) Балет "Золотой век"	
В) С.Ф. Бондарчук		3) Монумент Победы на Поклонной горе в Москве	
Г) Э.И. Неизвестный		4) Скульптура "Родина-мать зовёт!" в Волгограде	
		5) Опера "Война и мир"	
		6) Монумент "Цветок лотоса" в Египте	
А	Б	В	Г
5	4	1	3

4

23. Расположите в хронологической последовательности исторические события. Запишите цифры, которыми обозначены исторические события, в правильной последовательности в таблицу.

- (1) ввод советских войск в Афганистан; 1979
 (2) советско-американский полёт в космос по программе "Союз" - "Аполлон"; 1975
 (3) Олимпийские игры в Москве; 1980
 (4) создание Организации Варшавского договора. 1953

О т в е т:

4	2	1	3
---	---	---	---

1

24. Расположите в хронологической последовательности исторические события:

- (1) создание ГКЧП 1991-гг
 (2) принятие Конституции Российской Федерации 1991
 (3) избрание В.В. Путина Президентом России
 (4) создание СНГ

Ответ:

4	2	1	3
---	---	---	---

3

25. Расшифруйте аббревиатуры:

ВТО – Всемирная торговая организация
 ШОС – Закиты организации гос-ва
 ЕВРАЗЭС – Евразийский экономический союз
 ОДКБ – Организация договора о коллективной безопасности
 МАГАТЭ – мировая ассоциация государств